

В.В.Алексеев, И.В.Побережников

ШКОЛА МОДЕРНИЗАЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ

Мы живем в обстановке постоянных политических, социокультурных, экономических перемен, охвативших весь земной шар. Сверхвысокий динамизм, наверное, может быть принят в качестве основной характеристики второй половины XX в. В 1965 г. в статье в журнале «HORIZON» известный футуролог А.Торфлер ввел в научный оборот термин «футурошок» для описания стрессов и дезориентаций, которые возникают у людей, подверженных слишком большому количеству перемен за слишком короткий срок. В опубликованной впоследствии книге под тем же названием «Футурошок» Торфлер охарактеризовал современную ему эпоху как «конец стабильности». «Последние 300 лет западное общество находится под огненным шквалом перемен, — писал футуролог. — Этот шквал не только не стихает, но все больше набирает силу. Перемены охватывают высокоразвитые индустриальные страны с неужлонно растущей скоростью. Их влияние на жизнь этих государств не имеет аналогов в истории человечества. Как следствие, в мире расплодился всевозможные виды любопытной социальной флоры — от психоделических церквей и «свободных университетов» до научных станций в Арктике и клубов обмена женами в Калифорнии... Стоит посмотреть свежим взглядом на стремительный темп перемен, который иногда превращает реальность в дикий водоворот событий, как окажется, что многие поразительные и непостижимые вещи стали уже вполне обыденными. Ускорение темпа перемен — это не просто борьба индустрий или государств. Это конкретная сила, которая глубоко вошла в нашу личную жизнь, заставила нас играть новые роли и поставила перед лицом новой опасной психологической болезни» [1].

Корни современного динамизма действительно следует искать в эпохе, удаленной от нас на несколько сотен лет, возможно на 300 лет, как писал А.Торфлер. Исторический процесс, начавшийся с Великих географических открытий и установления шарообразного строения Земли в XV—XVI вв., получил впоследствии существенное ускорение и вызвал глубокие изменения в жизни людей на всей планете. Это историческое развитие, получившее первоначальные толчки на европейском континенте и распространявшееся в значительной степени именно с этой территории, оказало серьезное воздействие на регионы Азии, Африки и Латинской Америки. «Встреча цивилизаций» ярко продемонстрировала динамизм, постоянно меняющийся характер «западного» сообщества и различия между «западной» и прочими культурами, которые зачастую выглядели статичными и лишенными динамизма. Данные различия стимулировали широкие компаративные исследования разных сообществ и культур. Проведенный историками, антропо-

логами, социологами анализ показал, что дифференциация существует не только между «западными» и «незападными» обществами (последние зачастую квалифицировались как «традиционные»), но и внутри данных групп. Каково происхождение этих различий? По большому счету существуют две полярные позиции для объяснения проблемы. Согласно одной из них, человечество в любой точке земного шара развивается в соответствии с одними и теми же закономерностями; дифференциация же между обществами в большей или меньшей степени объясняется порядком той фазы развития, на которой они находятся. С другой позиции, различия между культурными и социальными агрегатами постоянны и неискоренимы; универсалий, которые можно было бы применить к развитию всего человечества, просто не существует.

Первая точка зрения дала толчок возникновению в середине XX в. и дальнейшему развитию теории (или скорее теорий) модернизации, внесших заметный вклад в научную разработку проблем развития и в объяснение того, каким образом традиционное общество трансформируется в современное.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВЕХИ ЭВОЛЮЦИИ ШКОЛЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

После второй мировой войны широким фронтом развернулись исследования проблем развития. Большое количество американских и европейских социальных ученых, а затем и их последователей в странах Третьего мира (ТМ), занялось тщательной разработкой теоретической конструкции, призванной объяснить трансформацию отсталых, недостаточно развитых обществ в современные, индустриальные. Данная конструкция получила наименование модернизация. Кратким введением в изучение модернизации стало исследование Самуэля Н. Эйзенштадта «Модернизация: рост и разнообразие», опубликованное в 1963 г. в виде брошюры департаментом управления Индианского университета и позднее в форме статьи в «Indian Quarterly» (XX, январь - март 1964. С. 17-42). Автор обращал внимание на необходимость учета при изучении модернизации как количественных критериев развития, так и институциональных изменений, которые сопровождали данный процесс. При этом, по мнению С.Н. Эйзенштадта, наиболее запутанными были именно проблемы институциональных сдвигов. Работа Эйзенштадта была одной из первых попыток установить более или менее прямую взаимосвязь между количественным ростом и институциональными трансформациями. Впоследствии делались попытки определить корреляцию между уровнем грамотности, валовым национальным продуктом на душу населения и другими схожими индексами, с одной стороны, и развитием представительной демократии, гражданских свобод и т.д., с другой. Исследование С.Н. Эйзенштадта, однако, подводило к выводу о существенной вариации тех средств и подходов, которые использовались разными сообществами в целях институционализации возможностей продолжительной модернизации.

На стадии становления теории модернизации были поставлены вопросы о институциональной структуре традиционных сообществ; природе и обязанностях руководящих групп; характере взаимоотношений между политическими, экономи-

ческими, социальными и культурными сферами и о различиях в последовательности прохождения ими процесса модернизации; проблемах, с которыми сталкиваются все модернизирующиеся общества; провалах и периодах стагнации, которые нередко сопровождают модернизацию. С.Н. Эйзенштадт, кроме того, подчеркивал важность сравнительного исследования модернизации как инструмента, который позволял установить различия между универсальными и частными параметрами развития. Сам Эйзенштадт опубликовал ряд работ по ключевым проблемам модернизации, собранных в «Очерках по социологическим аспектам политического и экономического развития» (1961 г.) и в «Очерках сравнительного изучения институтов» (1965 г.).

Книга Эйзенштадта «Модернизация: протест и изменение» (1966 г.) явилась попыткой применения социологического подхода при изучении модернизации вообще и политической модернизации, в частности. Узловой пункт данного подхода — представление о том, что основные проблемы, возникающие перед модернизированными/модернизирующимися обществами, состоят в необходимости развивать институциональную структуру, существенно варьирующую в разных обществах, которая в состоянии постоянно абсорбировать различные социальные изменения, присущие процессу модернизации. Автор пытается понять условия, в которых модернизированные/модернизирующиеся общества оказываются в состоянии развивать свои институциональные рамки или попадают в ситуации «сбоя», «регрессии» модернизации. При этом Эйзенштадт отмечал огромное структурное разнообразие модернизированных обществ и самих путей модернизации [2].

Различные подходы к изучению модернизации были в значительной степени пересмотрены Эйзенштадтом в работе «Традиция, изменение и модернизация» [3], в которой процессы развития проанализированы в контексте компаративного исследования цивилизаций и традиций. Прямое отношение к проблемам модернизации имеет монография С.Н. Эйзенштадта «Революция и трансформация обществ. Компаративное исследование цивилизаций» [4]. В данной работе автор попытался проанализировать революцию как явление в рамках нового концептуально-методологического подхода. Его интересует не проблема причин революций, достаточно широко исследованная в литературе, а вопрос об исторических обстоятельствах, условиях, в рамках которых эти причины действительно вызывают революции и революционные трансформации. Подход автора предполагает помещение явления революции в контекст сравнительного изучения цивилизаций.

Перу Эйзенштадта также принадлежит фундаментальное исследование «Политические системы империй» (1963 г.), в котором в компаративном ключе на основе детальной схемы проанализированы политические структуры традиционных сообществ. Как признавался сам автор в предисловии к книге, его целью не было описание всех социальных систем, не ставил он перед собой и задачи проанализировать конкретные общества. Главной задачей исследования С.Н. Эйзенштадта был «компаративный анализ определенного общего типа политической системы, которая может быть обнаружена в различных обществах». Автор стремился отыскать «модели или законы в структуре и развитии подобных политических систем».

Эйзенштадт рассматривает взаимоотношения между политическими системами и прочими институтами в обществе, выявляет отличия «исторических бюрократических империй» от патримониальных, феодальных и модернистских политических систем, анализирует экономическую структуру, религиозную и культурную организацию и ориентацию, социальную организацию и стратификацию имперских конструкций, проблемы институционализации в рамках последних политических систем. Механизмы изменений в политических системах империй также находятся в орбите внимания С.Н. Эйзенштадта [5].

В 1987 г. под редакцией С.Н. Эйзенштадта были опубликованы избранные материалы симпозиума по теме «Исторические традиции и модели модернизации и развития», который был организован Еврейским университетом Иерусалима. Главной целью конференции был пересмотр взаимоотношений между историческими традициями разных цивилизаций и процессами модернизации, осуществлявшимися в их рамках. При этом предлагалась обновленная перспектива модернизации. Вместо восприятия ее как завершающей стадии в осуществлении эволюционного потенциала, присущего всем обществам, рассматривалась интерпретация модернизации как специфической цивилизации (или феномена), которая, зародившись в Европе, распространилась в своих экономических, политических и идеологических измерениях по всему миру. Поскольку модернизация почти всегда включала экономические, политические и идеологические аспекты или силы, постольку ее влияние на общества было гораздо более значимым по сравнению, допустим, с распространением великих религий или империалистической экспансией. Как отмечает Эйзенштадт, модернизация бросает вызов символическим и институциональным предпосылкам обществ, которые втягиваются в этот процесс. В ходе модернизации происходит сложный процесс взаимодействия и трансформации символических и институциональных форм как «западных», так и местных цивилизаций. Проведенные участниками симпозиума исследования показали огромное разнообразие исторического опыта модернизации не только в странах Третьего мира, но и в европейских странах, США, Канаде, Австралии [6].

Общим введением в проблематику модернизации является сборник «Модернизация: динамика роста» (1966 г.), изданный Мироном Вейнером. Он включает статьи 25 американских исследователей, первоначально подготовленные в качестве серии радиопрограмм, спонсированных «Голосом Америки». Материал в книге сгруппирован по четырем разделам, в которых соответственно рассматриваются перспективы и условия модернизации; модернизация общества и культуры; модернизация политической деятельности и управления; модернизация экономики [7].

Систематический теоретический подход к изучению проблем модернизации представлен в двухтомнике «Модернизация и структура общества: среда международных отношений» (1966 г.), изданном Марионом Леви. Последний определяет модернизацию как «применение неодушевленных источников энергии и использование средств, позволяющих умножить эффект усилий». Придерживаясь данного широкого понимания модернизации, М. Леви предпринял попытку определить основные различия между относительно модернизированными и относительно немодернизированными обществами. Сравнение тех и других осуществлено в трех разделах книги, посвященных соответственно: 1) аспектам

социальных систем (идентификация ролей, солидарность, экономическое и политическое распределение, интеграция); 2) организационным контекстам обществ (система родства и семейная организация, формы управления, общественные организации, экономические организации, вооруженные силы, религиозные организации, системы образования и рекреации); 3) общим проблемам, где М. Леви дифференцирует универсальные и частные характеристики обществ и рассматривает центральную проблему влияния модернизации на социальную стабильность. Главной целью данной монографии М. Леви было не эмпирическое исследование, а формулирование гипотез относительно фактов. Леви приводит множество примеров из истории преимущественно таких стран, как США, Китай, Япония. Однако акцент в исследовании все же ставится на логическом обосновании единообразия и вариаций применительно к тем категориям структуры и функций, которые он использовал. Особая ценность работы заключается в целостном подходе к рассмотрению человеческой деятельности, который существенно повысил чувствительность методологии при объяснении феномена модернизации. Несмотря на то, что работа М. Леви, выполненная на высоком теоретическом уровне, многим историкам и политологам казалась слишком абстрактной, она силой своей логики убедительно продемонстрировала читателям масштаб и разнообразие структур, в которых воплощаются действия людей. Кроме того, большое впечатление производило теоретическое обоснование причин разрушительных последствий модернизации для традиционных сообществ, а также глубоко дестабилизирующего воздействия модернизации на развивающиеся общества.

Дэвид Эптер использовал ряд аналитических категорий М. Леви в своей монографии «Политика модернизации» (1965 г.), однако последняя более узкая по масштабам и целям в сравнении с работой Леви. Теоретической базой исследования Д. Эптера стал функционалистский подход, который, по его мнению, может быть эффективно использован в целях сравнения. Эптер подчеркивает две особенности этого подхода, особенно важные для него: 1) акцент на характере изменения систем; 2) идентификация общих смыслов в различных типах человеческой деятельности вне зависимости от их происхождения и уникальности. Эптер не рассматривает модернизацию в масштабах целостного процесса трансформации традиционного общества в современное, но фокусирует внимание на более частной проблеме переходного периода между традиционализмом и индустриализацией. Большое внимание автор уделяет не различиям между относительно модернизированными и относительно немодернизированными обществами, а ходу самого процесса. Поэтому он рассматривает идеологию, мотивацию и мобильность, которые находили свое выражение в изменении ролей членов общества, проходившего стадии модернизации. В работе также уделено внимание изменению моделей стратификации, роли политических партий в качестве инструментов модернизации [8].

Впоследствии взгляды Д. Эптера на процесс модернизации нашли развитие в его работах 1970–1980-х гг., в частности в книге «Переосмысливая развитие» (1987 г.). В последней автор остановился на проблемах справедливости и распределения в модернизирующихся и индустриальных обществах. Работа включает две главы. В первой «На стороне государства» рассмотрены взаимоотношения между развитием (включающим социальные следствия политической экономии) и госу-

дарством. Д.Эттер придает особое значение различным политическим системам; преимуществам и помехам, которыми они обладают на пути обеспечения инновативных перемен и опосредования вызываемых ими последствий. Во второй главе «Против государства» автор рассматривает структурные проблемы, которые возникают в ходе развития и порождают насилие и протест, мишенью которых могло стать государство [9].

Широкое компаративное исследование процессов модернизации предпринял Сирил Блэк в монографии «Динамика модернизации: сравнительно-историческое исследование» (1966 г.). Автор предложил свои критерии модернизации, рассмотрел модернизацию как процесс. Существенное внимание он уделил роли политических элит в процессе модернизации. Представляя интерес выделенные им фазы модернизации: 1) вызов модернити; 2) консолидация модернизаторских элит; 3) экономическая и социальная трансформация; 4) интеграция общества [10]. Компаративная перспектива рассмотрения процессов модернизации избрана в сборнике статей, вышедшем под редакцией С.Блэка в 1976 г. [11]. Во введении С.Блэк подчеркивает важность, наряду с изучением политических, экономических, социальных аспектов модернизации в отдельных странах в короткие промежутки времени, исследования взаимосвязи разнообразных проблем модернизации как внутри, так и между обществами. По мнению Блэка, корни процессов модернизации можно обнаружить в эпохе Возрождения в XII в. и более определено в период научной революции XVII в. Именно с этого времени знания человека о его окружении начинают стремительно расширяться, стимулируя разнообразные сдвиги в различных видах человеческой деятельности, которые, в свою очередь, вызывают масштабную трансформацию человеческого образа жизни. Признавая условность любого разбиения на временные отрезки грандиозного процесса модернизации, Блэк все же предлагает для удобства изложения придерживаться «простейшей возможной» периодизации, которая включает: 1) предпосылки; 2) трансформацию; 3) продвинутую модернизацию; 4) международную интеграцию.

И.Роберт Синаи в работе «Вызов модернизации: влияние Запада на незападный мир» (1964 г.) останавливается на проблеме трансформации ролей в модернизирующихся сообществах. Он уделяет внимание мобилизации ресурсов решительными местными элитами. Синаи отмечает очевидное отсутствие сильного и самодисциплинированного руководящего ядра во множестве новых государств, а также драматическое несоответствие деклараций о намерениях представителей элит их скромным достижениям. Автор существенное внимание уделяет тому традиционному социокультурному контексту, в котором осуществлялась модернизация. Синаи занимала проблема соотношения между наличием целеустремленных организационных структур в традиционном наследии сообществ и возможностями последних адаптировать собственные институты к современным функциям.

Широкий спектр проблем модернизации рассматривается в сборнике статей «Социальное изменение», изданном Евой Этциони-Хэйлеви и Амитаи Этциони (первое издание вышло в 1969 г.). Проанализированы источники и модели, сферы и уровни социальных изменений, механизмы трансформаций, роль человеческой инициативы в осуществлении социальных изменений. В сборник вклю-

чены, наряду с трудами представителей школы модернизации (Н.Смелзер, У.Росту, У.Е.Мур, Р.Бендикс, С.Эйзенштадт, А.Инкелес), работы сторонников иных теоретических подходов, что создает своеобразный «стереоскопический» эффект: проблемы видятся объемно, в различных теоретических проекциях [12].

При изучении различных путей, которыми идут конкретные общества, пытаясь адаптировать свои институты к переменам, вызываемым модернизацией, наибольшее внимание уделялось политическим аспектам развития. Эдвард Шилз в своем «Политическом развитии в новых государствах», первоначально опубликованном в «Comparative Studies in Society and History» (1959—1960 гг.), отмечает большое разнообразие традиционных систем, а отсюда — дифференциацию тех политических форм, в которых воплощаются изменения. Альтернативные формы политического развития, которые рассматривает Э.Шилз, включают не только политическую демократию, но также и опекаемую демократию, модернизирующуюся, тоталитарную и традиционную олигархию. Он рассматривал эти формы как различные пути по направлению к демократии. Как и Синаи, он довольно критично относится к модернизаторским элитам, однако его оценки в данном плане более оптимистичны. По мнению Э.Шилза, молодые государства в состоянии найти адекватную форму лидерства.

Большое влияние на политологов оказали исследования Габриэля А.Альмонда, издавшего совместно с Джеймсом С.Колеманом книгу «Политическая деятельность развивающихся регионов» (1960 г.). Во вводной главе, написанной Габриэлем Альмондом, обосновывается структурно-функциональный подход как инструмент, позволяющий понять способы, посредством которых мобилизуются различные политические системы на выполнение задач, необходимых для осуществления политических, экономических и социальных изменений. Альмонд и его коллеги также выступили инициаторами периодического издания «Исследования политического развития», которое финансировалось Комитетом сравнительной политики при Исследовательском совете по социальным наукам (Нью-Йорк). Коллективные тома данной серии, посвященные вопросам бюрократии, образования, коммуникаций, политической культуры, собрали наиболее квалифицированных специалистов в данных областях. В рамках указанной серии также были изданы сравнительные исследования Японии и Турции [13].

Фред В.Риггз в работе «Администрация в развивающихся странах: теория призматического общества» (1964 г.) предпринял попытку концептуализировать проблемы институциональных изменений в переходных обществах. Сам термин «призматический» используется автором для описания промежуточной стадии между «цельным», «спаянным» («fused»), традиционным, аграрным и «диффузным» современным индустриальным обществом. Проблемы, которые исследует Ф.Риггз, как бы транслируются сквозь выделенную им переходную «призму». Исследователь опирается преимущественно на материал Филиппин и наибольшее внимание уделяет расширению функций на административном уровне. Опыт стран Западной Европы, прошедших сквозь «призму» на протяжении XVII—XIX вв., автором не привлекался.

Собственно политические аспекты модернизации исследуются в монографии Дэнкварта А.Растоу «Мир наций: динамика современной политики». Автор кон-

центрирует внимание на различных путях внутри демократическо-тоталитарного континуума, с помощью которых модернизирующиеся сообщества институционализируют перемены. Существенный вклад в разработку проблем политического развития внесла работа «Аспекты политического развития» Люциана В.Пайя (1966 г.). Карл В.Дейч в работе «Нервная система правительства: модели политической коммуникации и контроля» (1963 г.) использовал кибернетическую теорию как средство для понимания того, каким образом правительствам удастся достигнуть столь необходимой стабильности в периоды быстрых перемен.

Проблемы взаимодействия политического развития и социальных трансформаций являются центральными в книге, вышедшей под редакцией Джейсона Финкла и Ричарда Гэбла, в которой приняли участие известные специалисты в области изучения модернизации: Д.Эптер, Н.Смелзер, Г.Альмонд, Л.Пай, Д.Маккелланд, Р.Беллах, Д.Лернер, У.Ростоу, Э.Шилз, С.Эйзенштадт и др. Авторы придерживались системного подхода, согласно которому общество рассматривалось как «основная» социальная система, укомплектованная подсистемами (политическая, экономическая, религиозная и пр.), которые постоянно подвержены изменениям. Исследование построено на материале различных стран и регионов: Ближнего и Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки. Авторы обратили внимание на такие аспекты модернизации, как роль индивидов и идей в формировании политики развития, политические предпосылки и последствия экономического развития, состав и роль «модернизаторов» (элиты, военные, бюрократия), направления и проблемы политики развития [14].

Для экономистов, работавших в рамках модернизационной парадигмы, была характерна склонность к несколько ограниченному дисциплинарному детерминизму. У.Ростоу в своей знаменитой работе «Стадии экономического роста» (1960 г.) не уделял должного внимания проблеме разнообразия традиционных институтов. В своем исследовании он выступил как сторонник либерального экономического детерминизма, уверенный в том, что достижение «высокого массового потребления» автоматически ведет к исчезновению институциональных различий между обществами и направляет их в сторону модели, достигнутой странами ранней модернизации. Необходимо признать, что идеи У.Ростоу вызвали плодотворные научные дискуссии и стимулировали, таким образом, развитие подходов в рамках теорий модернизации и экономического роста. Экономический детерминизм явился основой при разработке периодизации А.Органски («Стадии политического развития», 1965 г.), который выделял в историческом процессе стадии примитивной унификации, индустриализации, национального благоденствия, изобилия.

Экономические аспекты модернизации Южной Европы в послевоенный период рассматриваются в книге Джулио Сапелли «Южная Европа после 1945г. Традиция и современность в Португалии, Испании, Италии, Греции и Турции» (Лондон; Нью-Йорк, 1995).

Были предприняты интересные исследования проблем человеческого поведения в контексте модернизации. Одной из первых работ на данную тему стало исследование Эгберта Де Вриса («Человек в условиях быстрых социальных изменений». Лондон, 1961). Несмотря на такое название работы, ее автор все же

больше внимания уделял характеристике общих процессов изменений, а не месту человека в меняющемся мире. В духе ранних теорий модернизации исследователь сводил причины модернизационных сдвигов в развивающихся странах к воздействию со стороны развитого Запада. В качестве инструментов анализа социальных сдвигов Де Врис использовал «механический» и «химический» концепты. Первый подход в авторской интерпретации предполагает акцент на выявление «первопричин», то есть механизмов, приводящих в движение другие механизмы. Второй подход требует, во-первых, идентификации катализаторов (или агентов катализа), ускоряющих реакции и зачастую содействующих переносу энергии из одной системы в другую; во-вторых, анализа «ингибиторов», тормозящих реакции и препятствующих переносу энергии. Автор попытался воссоздать широкую картину социальных сдвигов в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Представляют интерес авторские обобщения по поводу механизмов изменения в традиционном обществе, областей изменения и их взаимодействий, природы экономического и технологического развития, трансформации общества. Де Врис проследил механизмы и природу изменений в сфере семьи, образования, потребления, аграрного развития, урбанизации и индустриализации на уровне государственного устройства. Наконец, им исследуются проблемы изменения человеческих установок и деятельности. Автор реконструирует новые модели лояльности и солидарности, этических решений, формирующиеся в процессе модернизации. Эверетт Е. Хаген («К теории социальных изменений: как начинается экономический рост», 1962) фокусирует свой исследовательский интерес на изменениях психологических установок, необходимых лидерам традиционных сообществ для того, чтобы сконцентрировать потенциальные возможности своих экономик. Проблемы поиска новых идентификаций лидерами-модернизаторами, уже оставившими относительно стабильный традиционный образ жизни, но в то же время стремящимися сохранить органическую связь со своими последователями, были проанализированы Л.В.Пайем («Политика, личность и национальное строительство: Бирма в поисках идентичности», 1964).

Тенденция связывать с модернизацией исчезновение традиционных институтов и ценностей, базирующаяся на теоретическом допущении, согласно которому форма следует за функцией, была присуща множеству работ западных социологов, экономистов, политологов; однако она не нашла серьезного подтверждения в эмпирических исследованиях историков и антропологов. Последние все чаще говорили о сохраняющей свою силу и влияние традиции в модернизирующемся обществе. С точки зрения исследователей-эмпириков, форма следовала за функцией только в ограниченном смысле — в виде адаптации к изменяющимся функциям. Интересные рассуждения на данную тему содержит выполненное в других теоретических рамках (не модернизационная перспектива) исследование Гарри Экстейна «Теория стабильной демократии» («Research Monograph № 10, Center of International Studies, Princeton University», 1961). По мнению автора, политические системы, дабы обеспечить собственную стабильность, должны придерживаться авторитетной модели, конгруэнтной господствующим в обществе (в семье, экономической области, общественных объединениях) образцам поведения. Сходные подходы получили развитие в ряде работ по политической культуре, в

частности в книге Г.А.Альмонда и Сиднея Вербы «Гражданская культура» (1963 г.), в которой сравниваются политические диспозиции в США, Великобритании, Германии, Италии и Мексике. В том же ключе анализируется модернизация в работах: «Старые общества и новые государства. Поиски модернити в Азии и Африке» (1963 г., издана К.Гиртцем); «Традиция, ценности и социально-экономическое развитие» (1961 г.; издана Дж.Шпенглером, Р.Брэйбантом); «Политическая культура и политическое развитие» (1965 г.; издана Л.В.Пайем, С.Вербой). Несмотря на название, изданный В.Хамильтоном сборник «Перемещение институтов» (1964 г.) скорее посвящен проблемам трансформации местных традиционных институтов, а не вопросам переноса институтов из стран, прошедших модернизацию раньше.

Дихотомия «перенос институтов vs адаптация традиционных институтов к новым функциям» широко обсуждалась на материале модернизационных процессов в Восточной Азии. Джон К.Фэйрбэнк, Эдвин О.Рейшауэр, Альберт М.Крэйг во втором томе своего исследования «История восточноазиатской цивилизации», озаглавленном «Восточная Азия: модернизационная трансформация», пришли к заключению, что модернизация в Китае, Японии и соседних странах протекала внутри традиционного контекста, испытывая его сильное влияние. Более того, исследователи утверждали, что «нет причин полагать, что окончательно модернизированная Восточная Азия будет простым отражением модернизированного Запада, будь то в своих внешних культурных моделях или в своих фундаментальных идеях и ценностях». В статьях «Новый взгляд на современную историю» (1962 г.) и «К определению понятия «модернизация»» (1965 г.), опубликованных в японской периодике и переизданных в Великобритании в виде брошюр, Эдвин О.Рейшауэр развил более полно идею исполнения общих функций разнообразными институтами. Сходная точка зрения представлена в статье Хидео Кишимото «Модернизация против вестернизации» («Journal of World History», VII, 1963, p. 871—874).

Проблемы культурного разнообразия в связи с перспективами модернизации обсуждались на симпозиумах, проводимых Конференцией по современной Японии Ассоциации азиатских исследований (материалы этих симпозиумов публиковались; см., в частности: Marius B.Jansen, ed., «Changing Japanese Attitudes Toward Modernization», 1965; William W.Lockwood, ed., «The State and Economic Enterprise in Japan», 1965). В 1950—1960-е гг. появились выполненные в модернизационной перспективе исследования и по другим странам Юго-Восточной Азии. Дж.Фэйрбэнк в статье «Реакция Китая на вызов Запада: проблемы и предложения» (Journal of World History, III, 1956) сформулировал схему периодизации для изучения проблемы модернизации в Китае. Антропологический подход отличает работу Мэннинга Нэха «Золотой путь к модернити: сельская жизнь в современной Бирме» (1965 г.).

Существенное внимание ученые уделили сравнительному анализу опыта модернизации в Японии и Китае. Некоторые итоги изучения проблемы были подведены Алланом Б.Коулом в статье «Сопоставляя модернизацию в Китае и Японии» («Chung Chi Journal», Hong Kong, IV, May 1965). Более широкие рамки сравнения, включавшие Японию, Китай и Россию, были предложены

Сирилом Блэком в вышедшей на японском языке работе «Азиатский путь к модернизации» (Jiyu, VII, October 1965). Результаты конференции по данному предмету, проведенной университетом Хоккайдо, были опубликованы в работе Шигето Торияма и Цуто Тогава «Доклады и дискуссии по проблеме «модернизации»» (Slavic Studies, Hokkado University, X, 1966).

Уникальной попыткой «наведения мостов» между Западной и Восточной Азией стало компаративное исследование, проведенное учеными из Великобритании, Японии, Турции, США под руководством Роберта Е. Уорда и Дэнкварта А. Растоу, «Политическая модернизация в Японии и Турции» (1964 г.). Исследователи отметили, что несмотря на то, что Япония и Турция имели в прошлом опыт эффективного управления, а также не находились под прямым управлением иностранных государств, существовало множество различий в традиционных институциональных структурах обеих стран. Именно они и позволяют, по мнению ученых, объяснить различия в уровнях развития современных им Японии и Турции.

Появились ценные исследования модернизации на Среднем Востоке. В первую очередь следует отметить пионерную работу Даниэля Лернера «Разложение традиционного общества: процесс модернизации на Среднем Востоке» (1958 г.) [15]. Данное исследование основано на эмпирических материалах, добытых в результате полевых работ и интервьюирования, проводимых в течение десятка лет в Турции, Ливане, Сирии, Египте, Иордании, Иране. Д. Лернер исходил из того, что в процессе модернизации все общества движутся в одном направлении, которое задали страны Запада, совершившие модернизацию ранее. Однако эта «западная модель», по мнению Лернера, в действительности глобальна. Свое наименование она приобрела лишь в силу исторического стечения обстоятельств, в результате того, что именно страны Северной Атлантики первыми осуществили процессы секуляризации, урбанизации, индустриализации, партиципации. Собственно модернизация, по Лернеру, скорее не совокупность перечисленных процессов, а их следствие — особое состояние рассудка, которое характеризуется верой в прогресс, склонностью к экономическому росту, готовностью адаптироваться к изменениям. Анализируя на эмпирическом материале модернизацию стилей жизни, Д. Лернер наибольшее внимание уделяет росту мобильности населения, распространению грамотности и средств массовой информации.

Д. Лернер остановился и на проблеме препятствий, ограничений для модернизации. К числу самых важных факторов, тормозящих развитие, он отнес этноцентризм: «С Запада пришли стимулы, которые разрушили традиционное общество на Среднем Востоке. Запад до сих пор остается полезной моделью при реконструкции современного общества, которое могло бы эффективно функционировать. В этом смысле Средний Восток стремиться стать тем, чем является Запад. Однако эти «общества-второпях» не обладают тем терпением, которое было присуще Западу на протяжении длительного периода его исторического развития. То, что на Западе осуществлялось в течение столетий, некоторые страны Среднего Востока стремятся завершить в течение нескольких лет. Кроме того, они хотят найти свой «собственный путь». Процесс модернизации на Среднем Во-

стоке серьезно осложняется этноцентризмом, который находит политическое выражение в крайнем национализме, психологическое — в необузданной ксенофобии. Поселянная антиколониализмом ненависть возросла в неприятии иностранного почета в любой форме. Желанны современные институты, но не современные идеологии, современная власть, но не современные цели. Современное благосостояние, но не современная мудрость, современные товары, но не современная терминология. Еще не стало очевидным, что современные пути развития и современные лозунги могут так легко и при этом тотально расходиться. Так, несмотря на то, что идеологические формы, которые использовались в ходе модернизации в Европе, Америке, России (и Японии), существенно разнились, всем этим моделям развития были присущи сходные поведенческие и институциональные рамки» [16].

Представляет интерес работа Манфреда Халперна «Политика социальных изменений на Среднем Востоке и в Северной Африке» (1963 г.). Серьезные исследования были проведены и по отдельным странам: Дуглас Э.Эшфорд «Политические изменения в Марокко» (1961 г.); Бернард Левис «Рождение современной Турции» (1961 г.); Родерик Дэйвисон «Реформа в Османской империи, 1856–1876 гг.» (1963 г.); Уильям Р.Полк «Открытие Южного Ливана, 1788–1840 гг.: Исследование влияния Запада на Средний Восток» (1963 г.); Чарльз Мико, Клемент Мур, Л. Карл Браун «Тунис: политика модернизации» (1964 г.); Роберт Л.Тигнор «Модернизация и британское колониальное управление в Египте, 1882–1914 гг.» (1966 г.); Роберт Ланден «Оман в конце XIX века и после».

Россия — большая часть Европы, серьезно отличающаяся от нее по различным параметрам институционального наследия, стала своеобразным критерием для теорий модернизации. Российский опыт модернизации также привлек специалистов. В 1960 г. под редакцией Сирила Блэка вышел сборник «Трансформация Русского общества. Аспекты социальных изменений с 1861 г.» Целью принявших участие в данном издании 38 исследователей было выделение элементов преемственности и изменений, частного и общего в процессе российской модернизации начиная с реформ 1860–1870-х гг. Подобные же вопросы применительно лишь к советскому периоду истории России обсуждались в следующих работах: Баррингтон Мур «Террор и прогресс в СССР. Источники изменений и стабильности при советской диктатуре» (1954 г.); Рэймонд Бауэр, Алекс Инкелес и Клайд Клакхон «Как работает советская система. Культурные, психологические и социальные аспекты» (1956 г.); «Советское общество. Очерки» (Издание А.Инкелеса, К.Гейгера, 1961); Дональд Фильтцер «Советские рабочие и сталинская индустриализация. Формирование отношений современного советского производства, 1928–1941» (Нью Йорк, 1986); Сирил Блэк «Понимая советскую политическую деятельность. Перспектива российской истории» (Боулдер, 1987). Эбигнев Бжезинский и Самуэль Хантингтон в работе «Политическая власть: США/СССР» (1961 г.) в компаративном ключе исследовали основные категории власти и политики в двух странах и пришли к заключению, что модернизационные процессы в СССР и США идут различными путями, конгруэнтными разным традиционным наследиям обеих стран.

Проблема преобразований в России рассматривается в изданной Робертом Крамми книге «Реформы в России и в СССР» (Иллинойский университет, 1989). Объектом серьезных исследований зарубежных ученых стала политика модернизации в царской России и ее связь с последовавшим в начале XX в. революционным кризисом [17]. В высшей степени интересны компаративные исследования модернизации и индустриализации, экономической политики в России и в СССР во второй половине XIX—XX вв. [18].

В Советском Союзе проблемы развития изучались на базе марксистско-ленинской теории общественных формаций. Предполагалось, что советская модель развития представляется подлинно марксистской и что ей должны следовать прочие страны. Альтернативную марксистскую концепцию модернизации развивал исключенный в 1958 г. из французской компартии Анри Лефевр («Introduction à la modernité», 1962), который попытался интерпретировать марксизм в терминах современных ему социологических теорий [19].

Распад социалистического лагеря и начало реформ в бывших советских и странах народной демократии стимулировали попытки рассмотреть эти процессы в модернизационной перспективе. Серьезным исследованием в этом плане является монография «Социальные изменения и модернизация. Уроки Восточной Европы», подготовленная под руководством Бруно Гранцелли (Нью-Йорк, 1995). Попытка комплексного изучения постсоветской эволюции России, поисков страны в области демократического переустройства, своего места в новом мировом порядке и влияния на постсоветскую эволюцию исторического наследия (советской политико-экономической системы, советской политической культуры, имперского менталитета) предпринята в исследовании Кэрол Барнер-Бэрри и Сянтти Хоуди «Политика изменений. Трансформация бывшего Советского Союза» (Нью-Йорк: Университет Мэриленда, 1995). В более публицистическом ключе написана книга Ричарда Круза и «Бориса Владимировича» (псевдоним бывшего члена Верховного Совета СССР) «В поисках свободы. Трансформация Восточной Европы в 1990-е гг.» (1993).

Экономические аспекты модернизации рассматриваются в книге «Приватизация и экономическая реформа в Центральной Европе. Процесс изменения делового климата», изданной Д.Рондинелли (1994). Интересна попытка применить модернизационный анализ при изучении опыта социалистической Венгрии, предпринятая Рудольфом Андоркой. Его утверждение, что крах социалистического режима в конце концов произошел вследствие потери им легитимности, дополняется интересными наблюдениями по поводу социокультурного контекста социалистической модернизации. Социалистическая попытка модернизации пробуксовывала, отмечает он, потому что система была лишена двух базовых гражданских качеств — дружелюбия и уверенности в себе. Напротив, она характеризовалась подозрительностью и враждебностью членов общества по отношению друг к другу. Следствием этого были ощущения беззакония, бессилия [20].

Проблемам изменений повседневности и образа жизни в постсоветской России посвящена работа Тимо Пиирайнена «К новому социальному порядку в России: процесс трансформации структуры и повседневной жизни» (Университет Хельсинки, 1997). Указанные процессы рассматриваются в контексте перехода от

плановой к рыночной экономике. Существенное внимание уделяет исследователь реструктуризации российского общества и «становлению классового общества». Однако акцент Т.Пинрайнен, пользующийся веберовской методологией, все же делает не на анализ социальной структуры, а на исследование стратегий социальных акторов. Авторы книги «Местная власть и постсоветская политика» (издана под руководством Теодора Фрэйдгата и Джеффри Хэна, 1994) сконцентрировали внимание на модернизационных процессах на уровне местного управления.

Активное освоение теорий модернизации началось в постсоветской России. При этом интерес к данной парадигме во многом объясняется возможностями ее применения при изучении той коренной общественно-политической трансформации, которая началась в стране с середины 1980-х гг. Как справедливо отмечает философ Л.В.Поляков, «тема модернизации — одна из наиболее модных в современной российской социально-философской, социально-экономической и политологической литературе». По мнению историка В.В.Согрина, теория модернизации является более прагматической и более «осязаемой» при соотношении ее с современными российскими реалиями в сравнении с двумя другими влиятельными макротеориями — общественно-экономическими формациями и цивилизациями [21]. В отечественном обществоведении предприняты попытки рассмотрения различных аспектов реальности, в том числе российской истории, с точки зрения модернизационной перспективы [22].

РОЖДЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Социально-политический контекст формирования и эволюции теорий модернизации

Модернизационная парадигма являлась ответом американской политической элиты и интеллектуалов на международный порядок, который сложился после второй мировой войны. Холодная война, а также появление в качестве заметных участников международного политического процесса стран Третьего мира, образовавшихся в результате распада европейских колониальных империй, стимулировали исследовательский интерес по отношению к обществам Азии, Африки, Латинской Америки. Вообще изучение народов Азии, Латинской Америки, Африки имело длительную традицию, однако только после того, как они стали независимыми нациями, к исследованию их эволюции были применены концепции политического развития, экономического роста и социальных изменений, которые до того базировались преимущественно на опыте стран ранней модернизации (страны так называемой атлантической цивилизации — Западная Европа и США).

Решающим событием поствоенной эпохи, повлиявшим на возникновение модернизационной школы, стал рост США как супердержавы, главного фактора послевоенной экономической реконструкции Западной Европы. В 1950-е гг. США фактически взяли на себя ответственность за регулирование дел на всей планете. Все это способствовало интернационализации социальных наук США. Развитие мирового коммунистического движения, распространение влияния Со-

ветского Союза не только на страны Восточной Европы, но и на Китай и Северную Корею также были значимы в плане становления модернизационной перспективы. Наконец, разработка теорий модернизации в значительной степени была вызвана пробуждением стран Третьего мира. Бывшие колонии, некоторые из которых уже давно стали экс-колониями (например страны Латинской Америки), но в значительной степени продолжали сохранять колониальный менталитет и социальные структуры, очутились в ситуации «молодых наций», стремившихся вырваться из оков зависимости и искавших такие модели развития, которые позволили бы укрепить их экономику и политическую независимость. Таким образом, для социальных наук появился новый сегмент «рынка» с жаждущими клиентами и щедрыми инвесторами.

В данном историческом контексте американские политические элиты стали поощрять ученых к изучению государств ТМ, дабы предложить последние модели несоциалистической ориентации для их экономического развития и обеспечения политической стабильности и таким образом не допустить их присоединения к коммунистическому блоку. При поддержке правительства США и частных фондов поколение молодых политологов, экономистов, социологов, психологов, антропологов, демографов публиковало диссертации и монографии по проблемам стран ТМ, ранее не пользовавшихся таким вниманием ученых. В 1950 — начале 1960-х гг. разные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу на проблемы развития, которая казалась особенно полезной для обеспечения толчка в эволюции стран ТМ. Было ощущение, что достаточно ученым обобщить основные линии развития продвинутых стран, соединивших экономический рост с либеральной демократией в рамках интегрированной теории и последняя даст развивающимся странам рецепт достижения успеха — обеспечения скачка и выравнивания по параметрам передовых наций. В этом, собственно, заключалась фундаментальная предпосылка и многообещающая надежда того направления, которое стало называться теорией модернизации. Междисциплинарная модернизационная школа прошла этап становления в 1950-е гг. По выражению Г.Альмонда, модернизационные штудии являлись «растущими индустриями» вплоть до середины 1960-х гг. [23].

Таким образом, исследования в рамках теорий модернизации с самого начала не являлись чисто академическими штудиями, но имели важные политические импликации. Во-первых, они обеспечили своеобразное оправдание асимметричного характера взаимоотношений между «традиционными» и «современными» обществами [24]. Поскольку США — современная и развитая страна, а ТМ — традиционный и отсталый, последний должен ориентироваться на первую как образец для подражания. Во-вторых, теории модернизации идентифицировали угрозу коммунизма в странах ТМ как модернизационную проблему. Если страны ТМ должны модернизироваться, то им необходимо выбрать путь США, а не коммунистических стран. Теории модернизации предложили в качестве инструментов для достижения второй цели экономическое развитие, замену традиционных ценностей современными («западными») и институционализацию демократических процедур. В-третьих, модернизационная перспектива помогла легитимировать

политику помощи зарубежным странам, которую проводили США. Приоритет рекламы современных ценностей и увеличения производственных инвестиций означали для США возможность организации помощи путем отправки советников, поощрения американских бизнесменов, инвестировавших капиталы в страны ТМ, предоставления займов и оказания других видов поддержки экономики [25].

На содержание модернизационных теорий, несомненно, повлияло то, что они развивались в условиях холодной войны. Модернизационная перспектива в сущности явилась одним из аспектов биполярного мира. В связи с этим большинство сторонников данной перспективы было в различной степени вовлечено в антикоммунистический проект глобализации. Некоторые ученые отчасти этим обстоятельством объясняют недостаточное внимание классической модернизационной парадигмы к проблемам международного порядка, интерсоциальных взаимоотношений, «динамики сопоставлений различных обществ». В орбиту внимания представителей ранней школы модернизации практически не входили международные аспекты национализма и национальной идентичности. Немногие авторы пытались исправить этот недостаток [26]. Лишь в 1990-е гг. после окончания холодной войны ученые в полной мере стали осознавать значение кросс-социетальной коммуникации, межрегиональных, кросс-социетальных и кросс-коммунальных взаимодействий [27].

Реализация на практике в странах ТМ программы модернизации столкнулась с непредвиденными трудностями. Несмотря на то, что элиты «новых наций» в большинстве своем откровенно и настойчиво стремились модернизировать свои страны, институциональные структуры и коллективная ментальность последних зачастую оказывались неадекватными задачам модернизации. Отчасти это объяснялось тем, что небольшие и бедные страны не обладали ресурсами, необходимыми для обеспечения базы развития. Политические режимы в ряде развивающихся стран отдавали предпочтение политическим амбициям или идеологическим соображениям в ущерб экономическим потребностям. Нередко местные элиты, декларируя на словах приверженность программам модернизации, заботились лишь о собственном обогащении. Все это зачастую приводило к усилению традиционных структур и лояльностей. Кроме того, осуществив формально политическую деколонизацию, бывшие имперские державы в лице «мультинациональных корпораций» (позднее эволюционировавших в «транснациональные корпорации», или ТНК) сохранили экономические интересы в экс-колониях. Группы ТНК как основные потребители и переработчики сырья были в состоянии контролировать международный рынок, что крайне затрудняло возможности «молодых наций» аккумулировать капиталы для инвестирования их в развитие собственной инфраструктуры.

Сбои в осуществлении модернизационных программ, идеологические факторы, а также изменение политического климата на Западе в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. сопровождалось массивной критикой теорий модернизации, которые на некоторое время (в 1970-е гг.) были отодвинуты в тень структурно-историческим анализом международной политической экономии.

Появившись на свет как ответ на социальный заказ, модернизационная парадигма никогда не замыкалась в академических рамках. Возможно, этим в какой-то степени объясняется живучесть модернизационных штудий, выдержав-

ших натиск серьезной критики со стороны конкурирующих теорий. Обращая внимание на данное обстоятельство, Клаус Мюллер выделяет два существенных момента. Во-первых, в отношении внутренней организации развитых капиталистических обществ, пишет он, модернизационная перспектива способствовала трансформации кейнсианской революции в экономической политике в своеобразную политическую программу институционализации классовых конфликтов. Во-вторых, по мнению К. Мюллера, теории модернизации базировались на широком круге сравнительных исследований, которые поддерживались такими серьезными институтами, как Международная организация труда (при ООН), Международный валютный фонд, Мировой банк [28].

Между тем в 1970–1990-е гг. мир стал свидетелем двух сдвигов глобального значения, которые создали значительные трудности для теорий, конкурировавших с модернизационной парадигмой. Во-первых, необходимо указать на грандиозные трансформации в Восточной Азии, которые сопровождались ускороенной модернизацией стран «конфуцианско-дальневосточной цивилизации», следующих по японскому пути (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур), и превращением их в серьезных конкурентов для наиболее развитых стран мира. Ориентируясь на японский стандарт, эти страны стали демонстрировать достаточно высокие темпы экономического и промышленного развития, что позволило им если не догнать Японию, то во всяком случае заметно приблизиться к ней, оказаться вместе с ней флагманами экономики всего развивающегося мира, а в недалеком будущем, возможно, вообще всего мира. При этом социально-экономический рост «азиатских тигров» не сопровождался серьезным усилением в них социального неравенства, что было характерно для многих других современных развивающихся регионов и для большинства стран Запада в XIX в. Восточно-азиатское «чудо» нанесло существенный удар по миросистемной теории, поскольку оно плохо вписывается в ее концептуальные рамки. Действительно, страны периферийной зоны мировой системы смогли найти внутренние ресурсы для обеспечения роста и модернизации, повышения уровня жизни, качества здравоохранения и образования перед лицом развитого «ядра» западных капиталистических стран.

Вторым важным сдвигом, еще менее ожидаемым и даже более стремительным (П. Штомпка определил данную трансформацию как «анти-теоретическую революцию» = «a-theoretical revolution») по сравнению с первым, явилась социально-политическая трансформация советской империи, которая началась с признания провала прежней политики в сфере экономики и поиска путей экономической и политической модернизации («перестройка»). Затем последовал каскад политических событий, приведших к объединению Германии, падению коммунистических режимов в СССР и странах Центральной-Восточной Европы (ЦВЕ). Несмотря на то, что все эти процессы в определенной степени стимулировались внешними факторами (сопоставление жизненных уровней в социалистических и западных странах; война в Афганистане, ставшая для Советского Союза чем-то вроде Вьетнама или Алжира), главными движущими силами трансформации стали причины внутреннего происхождения.

События последнего десятилетия в ЦВЕ дали новый толчок модернизационным исследованиям. Постсоциалистические страны ЦВЕ рассматриваются многими исследователями как прекрасная лаборатория для теоретического совершенствования и проверки модернизационной перспективы. «Эмпирические аномалии», которые демонстрируют эти страны, заставляют ученых задуматься: вместо «адаптивного подъема» наблюдается экономический коллапс; вместо более тесной интеграции — усиление этнической и религиозной демаркации; вместо формулирования последовательных ясных целей на политическом уровне — противоборство хрупких политических коалиций, не способных справиться с неуправляемым обществом.

После падения коммунизма в странах ЦВЕ развернулись исследования проблем перехода («транзиции») постсоветских обществ, которые проводились в широком дисциплинарном диапазоне. При этом признавалось продуктивным использование модернизационной перспективы. Можно утверждать, что трансформация стран ЦВЕ способствовала гальванизации теорий модернизации. Однако одновременно раздавались предостережения против буквального использования устаревшей версии модернизационной перспективы образца 1960-х гг.

Теоретические предшественники модернизационной перспективы

Динамика социальных изменений остается в центре внимания социологической науки с самого ее становления в творениях К.А. Сен-Симона и О.Конта. Не является в этом плане исключением и модернизационная перспектива. Теории модернизации, появившиеся в 1950-е гг., резко отличались от теорий исторической эволюции и социальных изменений, которые господствовали в западной общественной мысли в 1920—1930-е гг. Последние в большинстве своем характеризовались крайним пессимизмом в оценках перспектив человека и общества. Выделяются две «пессимистические» школы.

Типичными представителями *первой* являлись такие мыслители, как О.Шпенглер, В.Парето, П.Сорокин, А.Тойнби, которые интересовались формами развития отдельных цивилизаций или культур. Созданные ими конструкции были по существу циклическими теориями истории. Указанные ученые стремились восстановить последовательность фаз в развитии мировых цивилизаций, которая обычно включала рождение, рост, зрелость и упадок. Согласно данным теориям, западная цивилизация находилась (или уже прошла ее) в высшей точке своего развития, после которой должен был следовать распад. При этом они полагали, что когда-то это общество было достаточно интегрированным и благоприятствовало реализации человеком своих возможностей. Однако после фундаментального переворота, произошедшего в определенный момент прошлого, западная цивилизация покатила вниз. Проявлениями понижательной тенденции в эволюции Запада считались распад сообщества, ослабление религиозных ценностей, нарастание отчуждения и падение нравов, пугающее рождение «массового общества», которые, в свою очередь, объявлялись следствием процессов секуляризации, индустриализации, урбанизации и демократизации. Некоторые авторы датировали начало процесса разложения эпохой Реформации, другие — временем Возрож-

дения, индустриальной или французской революций. Отказ от религиозности, эрозия общества, считали мыслители, последовательно и неизбежно привели к «политике масс», мировым войнам, «чисткам», концлагерям.

Другая группа ученых-пессимистов меньше внимание уделяла упадку религии, но больше — индустриализации и демократизации. К. Мангейм и Х. Арендт связывали тоталитаристские тенденции с движением в сторону «массового общества». Те, кто был не согласен с датировкой начала процесса дезинтеграции Запада XVI—XVIII вв., рассматривали в качестве такого поворотного пункта первую мировую войну. Как подчеркивал Гарольд Лассуэл (1950 г.), именно в данное время тренд истории повернул в обратную сторону «от прогресса по направлению к обществу всеобщего благоденствия в сторону мирового порядка, в рамках которого государство казарменно-тюремного типа вновь ввело кастово-замкнутую социальную систему». В том же ключе в 1938 г. Вальтер Липпманн начал развивать свою точку зрения, согласно которой в революционный 1917 г. политические системы Запада дали трещину под влиянием длительной войны, и началось движение цивилизации в сторону паралича, хаоса и тоталитаризма.

Если пессимистические теории межвоенного периода отражали ощущение катастрофичности, нарастания хаоса, которые, считалось, были вызваны индустриализацией, урбанизацией и тому подобными процессами, то модернизационные теории 1950—1960-х гг. стали отражением социальных, экономических и политических успехов западного общества, которые также связывали с индустриализацией и урбанизацией [29].

В процессе формирования модернизационной перспективы существенное внимание было уделено разработке концептуальных схем для решения аналитических проблем, не обеспеченных соответствующим познавательным инструментарием. В ходе теоретических поисков социальные мыслители обратились к знакомой им западной интеллектуальной традиции изучения природы социальных изменений, но не непосредственно предшествующего периода (1920—1930-х гг.), а скорее второй половины XIX в. Известный социолог и политолог С. Хантингтон пишет о поразительном сходстве между теориями модернизации и оптимистическими эволюционистскими построениями второй половины XIX в. «Многие характеристики и следствия, которые теоретики послевоенного периода приписали Великому Процессу Модернизации, — подчеркивал С. Хантингтон, — можно обнаружить в сочинениях мыслителей XIX в., таких, как Герберт Спенсер или Карл Маркс. В обоих случаях человеческое сообщество развивается главным образом под воздействием экономических факторов, проходя через идентифицируемую последовательность все более прогрессивных фаз».

В 1950-е гг. категории «современность» и «традиционность» отодвинули на задний план теоретического мышления прочие типологические концепты: демократия, олигархия, диктатура, либерализм, консерватизм, тоталитаризм, конституционализм, социализм, коммунизм, капитализм, национализм, интернационализм. Конечно, перечисленные понятия продолжали употребляться учеными. Однако, как пишет С. Хантингтон, в конце 1960-х гг. в любой дискуссии среди политологов, в которой задействовались категории «конституционный» и «тоталитарный», обязательно должен был использоваться и десяток других понятий, основанных

на различении «современности» и «традиционности». Последние, по мнению Хантингтона, являлись позднейшей манифестацией Великой дихотомии между примитивными и более развитыми обществами, укоренившейся в западной социальной мысли на протяжении предшествующего столетия [30].

Несмотря на новаторство в терминологии, сторонники модернизационной перспективы при формировании подходов для исследования социальных трансформаций в «незападных» обществах во многом опирались на интеллектуальную традицию «девелопментализма», утвердившуюся в западной общественной мысли задолго до конца XIX в. По мнению Роберта Нисбета, данная традиция (которая возводится к идее, согласно которой процессы социальных изменений можно изучать по аналогии с биологическим ростом индивидуального организма) доминировала в западной мысли с досократовских времен. Сохранив свои позиции на протяжении XVIII—XIX вв. (теории прогресса и социальной эволюции), она перешла в современную науку [31].

В рамках данной традиции эволюционная теория и функционализм оказали наибольшее влияние на формирование теории модернизации. Следы подобного влияния обнаруживаются во многих ее особенностях. Это частое использование дихотомических конструкций и таких концептов, как «социальная дифференциация», «социальная система». Это — акцент на возможность адаптироваться к постепенным, растянутым во времени изменениям как нормальное условие стабильности; приоритетное рассмотрение внутренних источников изменений; анализ социальных изменений как линейного, упорядоченного или прогрессивного процесса.

Модернизационная школа адаптировала эволюционную и функционалистскую теории. Поскольку эволюционная теория помогла в свое время объяснить переход от традиционного к современному обществу в Западной Европе XIX в., сторонники модернизационной школы считали, что она сможет пролить свет на процесс модернизации и в странах ТМ. Имело значение и то, что многие выдающиеся представители модернизационной перспективы — Даниэль Лернер, Марион Леви, Нейл Смелзер, Самуэль Эйзенштадт, Габриэль Альмонд — воспитывались в рамках функционалистской теории. Соответственно, их модернизационные штудии неизбежно получили и функционалистскую окраску [32].

Эволюционная теория. Эволюционная теория возникла в начале XIX в. как следствие Индустриальной и Французской революций. Эти революции не только разрушили старый порядок, но и заложили основы нового. Индустриальная революция с ее применением науки и новых технологий в промышленности привела к росту производительности, становлению фабричной системы и завоеванию мирового рынка. Французская революция создала новый политический порядок, основанный на принципах равенства, свободы и братства, парламентскую демократию.

Изучая этот меняющийся социальный, экономический и политический порядок, сторонники эволюционного подхода использовали различные ярлыки для характеристики «старых» и «новых» обществ. Именно в этот период «Великая дихотомия» между традицией и современностью получила оригинальную и влиятельную формулировку.

Так, в 1861 г. сэр Генри Мэн в своей работе «Древний закон: Его взаимосвязь с ранней историей общества и отношение к современным идеям» рассмотрел в качестве полярных понятия «статуса» и «контракта». В более поздней работе («Античное общество». Лондон, 1870) он утверждал: «До сих пор поступательное движение обществ было движением от Статуса к Контракту» [33]. Фердинанд Теннис предложил различать понятия *gemeinschaft* (община) и *gesellschaft* (общество), т.е. сельскохозяйственное и индустриальное общества. В интерпретации Эмиля Дюркгейма формам социального порядка в примитивных (традиционных) и современных обществах соответствуют понятия механической (основанной на общих убеждениях и консенсусе, обнаруживаемых в пределах коллективной совести) и органической (взаимозависимость экономических связей, возникающих в результате дифференциации и специализации в современной экономике, новая сеть профессиональных ассоциаций, связывающих индивидов с государством, появление в этих ассоциациях коллективно создаваемых моральных ограничений эгонизма) солидарности. Г.Спенсер различал «военное» (характеризующееся простой однородностью, конкурентной борьбой и агрессией) и «индустриальное» (характеристиками которого являются сложная однородность, сотрудничество, сила убеждения и альтруизм) общество. По мнению Огюста Конта, мышление в своем прогрессивном развитии проходит теологическую, метафизическую и позитивную стадии, а общество — примитивную, промежуточную и научную. Используя органическую аналогию, О.Конт утверждал, что общество в ходе собственной эволюции становится более сложным, дифференцированным и специализированным благодаря разделению труда. Разделение труда ведет к упрочению социальной солидарности, порождая, однако, новое социальное разделение между классами, а также сферами частной и общественной жизни [34].

В качестве характерных черт классической эволюционной теории можно выделить следующие: 1) социальные изменения однонаправлены, то есть человеческое общество безвариантно движется вдоль одной линии, от низших уровней к высшим, от примитивного к развитому, продвинутому государству, судьба социальной эволюции предопределена; 2) ценностная окраска эволюционного процесса — движение к финальной стадии оценивается положительно, потому что означает прогресс, рост гуманизма и цивилизованности; 3) характер социальных изменений — медленный, постепенный, пошаговый; эволюционный, а не революционный (необходимы столетия для завершения процесса перехода от простых, примитивных к сложным, современным обществам).

По мнению Клауса Мюллера, модернизационная парадигма в ее классическом варианте приобрела вид «эволюционистской философии истории, управляемой кибернетически все более и более распространяемыми ценностями» [35].

Функционализм. Вторая часть теоретического наследия школы модернизации — функционализм Толкотта Парсонса (наиболее значимые категории, разработанные ученым: система, функциональный императив, гомеостатическое равновесие, «типические переменные»). Т.Парсонс начал занятия наукой с биологии, что повлияло на сформулированную им версию функционализма. Для

Т. Парсонса человеческое общество подобно биологическому организму и, соответственно, может изучаться таким же образом. Органическая метафора является ключом к пониманию построений Парсонса.

Различные части биологического организма, можно сказать, соответствуют разным институтам общества. Подобно частям организма, взаимосвязанным и взаимозависимым в процессе взаимодействия друг с другом, общественные институты (например общество и правительство) тесно связаны между собой. Парсонс использовал концепт «система» для обозначения гармоничной координации между институтами.

По аналогии с биологическим организмом, каждая часть которого выполняет определенную функцию ради блага целого, социальные институты, по мнению Парсонса, также имеют конкретные полезные функции, обеспечивающие стабильность и развитие общества. Парсонс формулирует концепт «функционального императива», согласно которому для нормального существования общества необходимо выполнение четырех решающих функций или функциональных потребностей (в противном случае общество погибает): а) адаптация к окружающей среде, потребность соотнесения с ней при использовании ее ресурсов (функция выполняется экономической сферой); б) целедостижение, то есть определение задач, стоящих перед системой (за реализацию данной функции ответственно правительство); в) интеграция (связывание институтов воедино, поддержание внутреннего порядка; данная функция выполняется правовыми и культурно-религиозными институтами); г) поддержание латентного образца (передача ценностей от поколения к поколению, необходимая для выработки достаточной мотивации выполнения задач; выполняется институтами семьи и образования). Эти четыре функции в совокупности составляют систему, известную как AGIL (for adaptation, goal attainment, integration, latency).

Органическая аналогия, помимо прочего, привела Т. Парсонса к формулированию концепта «гомеостатического равновесия». Биологический организм всегда находится в однообразном состоянии. Если одна его часть меняется, другие также должны меняться соответственным образом, чтобы сохранить равновесие и уменьшить напряженность. В обществе, по мнению Т. Парсонса, имеют место постоянные взаимодействия между институтами с целью поддержания гомеостатического равновесия. Как только один из них провоцирует социальное изменение, это вызывает цепную реакцию перемен в прочих институтах, чтобы сохранить гомеостазис. С этой точки зрения, социальная система Т. Парсонса не является статичной, неизменной целостностью; напротив, институты, ее составляющие, постоянно меняются и приспособляются друг к другу.

Нередко утверждалось, что концептуальная схема Парсонса имеет консервативную предвзятость, поскольку она исходит из предположения о том, что общество стремится к гармонии, стабильности, равновесию, сохранению *status quo*. Эта консервативная тенденциозность является результатом влияния органической аналогии, характерной для мышления ученого. Поскольку левая рука не будет бороться с правой, Т. Парсонс предполагал, что институты человеческого общества также будут скорее находиться в состоянии гармонии друг с другом, нежели в состоянии конфликта. Более того, как биологический организм

не будет ликвидировать себя сам, так и общество, считал Т. Парсонс, не разрушит собственные институты.

Возможно, наибольшее влияние на формирование теорий модернизации оказала разработка в начале 1950-х (1951) гг. Т. Парсонсом и Эдвардом Шилзом так называемых «типовых переменных» для дифференциации «традиционности» и «современности». «Типовые переменные» — это ключевые социальные отношения, которые продолжают, повторяются и внедряются в культурные системы — самая важная и наиболее важная система в теоретическом наследии Парсонса. «Типовые переменные» структурируют проблемы выбора, которые встают перед актором (действителем), и классифицируют возможные пути их решения. По Парсонсу-Шилзу, существует пять наборов типовых переменных.

Первый набор (дилемма) — аффективность VS аффективная нейтральность. Социальные акторы находятся в определенных отношениях по инструментальным, не затрагивающим их чувств (аффективная нейтральность), либо по эмоциональным причинам (аффективность). В традиционных обществах социальные отношения имеют тенденцию включать аффективный компонент: это отношения личностные, эмоциональные, лицом к лицу. Даже отношения работодателя-работника в традиционном обществе являются аффективными. Работодатель обращается с работниками как с членами домохозяйства и не увольняет их даже в том случае, если его предприятие терпит убытки. В современных обществах социальные отношения скорее строятся на аффективно-нейтральной основе — как неличностные, отчужденные, косвенные. Работодатели увольняют при необходимости работников, в противном случае пострадает экономическая эффективность и предприятие потеряет прибыльность.

Второй набор — партикуляризм VS универсализм. Универсализм предполагает эквивалентную ориентацию индивида на объекты, обладающие равными параметрами. Партикуляризм же подразумевает внимание лишь к объектам, обладающим специфическими для индивида признаками. Участники взаимодействий должны решить, оценивать им человека с помощью общих (универсалистских) критериев или прибегать к критериям специфическим, применимым лишь в отношении конкретного человека (партикуляризм). Данная проблема может быть также описана как выбор между следованием безличным, абстрактным, всеобщим нормам права и правилам поведения и предпочтением им конкретных, личных, племенных отношений, вытекающих из данной ситуации. В традиционных обществах люди стремятся ассоциироваться с членами определенного социального круга. Например, они работают на одном предприятии или покупают в соседней лавке. Поскольку они хорошо знакомы, то относятся друг к другу партикуляристски: доверяют и считают необходимым выполнять социальные обещания. Обычно устного соглашения достаточно для заключения деловой сделки. Для современного общества с его высокой плотностью населения и мобильностью люди часто вынуждены контактировать с незнакомцами и поэтому стараются при взаимодействиях руководствоваться универсалистскими принципами. Например, банковский кассир прежде чем оплатить чек просит предъявить необходимые документы, идентифицирующие личность. В современных обществах существуют писанные правила, которые определяют права и обязанности сторон в каждой деловой сделке.

Третий набор — коллективистская ориентация VS индивидуалистская ориентация. Данная дилемма актуализирует проблему выбора: достижение интересов индивида или коллектива. Традиционным обществам характерна верность, преданность коллективу: семье, общине, племенному государству. От людей требуется жертвовать своими собственными интересами ради выполнения коллективных обязательств. Этот акцент на коллективистскую ориентацию является средством избежания социальной нестабильности, которую могут вызвать индивидуалистские инновации, воображение. В современных обществах, напротив, акцентируется индивидуалистическая ориентация. Поощрение желания быть самим собой, развивать свои таланты, расти, строить собственную карьеру — распространено повсюду. Этот акцент на индивидуалистическую ориентацию стимулирует личность и способствует технологическим инновациям и росту производительности труда.

Четвертый набор — приписка (от английского *ascription* — приписывание) VS достижение (или также: качество VS исполнение). Данная дилемма служит для обозначения одной из альтернатив социальных ориентаций. Участники взаимодействия оценивают людей либо по их поступкам (достижение), либо по их личным качествам, им приписанным (приписка). В соответствии с аскриптивной моделью мотивации об индивиде судят и ведут себя по отношению к нему, ориентируясь на приписанные ему качества (возраст, пол, престиж, расовую принадлежность и т.д.). Мотивационная модель, ориентированная на достижение (*achievement*), требует принимать во внимание в первую очередь реальное поведение и успехи индивида (как представителя определенной профессии, гражданина, налогоплательщика и т.д.). В традиционных обществах человек оценивается по статусу, который ему приписан. Принимая на работу, работодатель в первую очередь интересуется именами родителей и других родственников претендента. Прием на работу зачастую зависит от того, является ли работодатель хорошим другом или родственником кандидата. В современных обществах человек ценится скорее статусом, который ему удалось достичь благодаря собственным усилиям. Принимая на работу, работодатель больше интересуется технической квалификацией и прошлым трудовым стажем претендента. Острая рыночная конкуренция в современных обществах заставляет оценивать человека опираясь на принципы достижения, то есть оценивая его реальные успехи. Работодатель не может позволить себе брать на работу некомпетентных людей, иначе он будет «выдавлен» из бизнеса.

Пятый набор — функциональная «диффузность» VS функциональная специализация. «Диффузная» ориентация предполагает, что во внимание принимается личность в целом. Специфическая ориентация заставляет принимать во внимание лишь «часть» личности партнера, важную в контексте происходящего взаимодействия. Таким образом, данная дилемма актуализирует противопоставление между специализированным интересом к объекту, ориентацией на избранные его свойства и интересом к объекту и ситуации в целом. Индивид выбирает между вовлеченностью наряду с другими индивидами в широкий спектр социальной деятельности («диффузность») и концентрацией на достижении специфических, структурированных целей (специализация). В традиционных обще-

ствах преобладают функционально диффузные роли. Например, роль работодателя не сводится только к приему на работу; зачастую он также должен обучать работников; являться их опекуном, попечителем; обеспечивать им условия для проживания и т.д. Такая функционально диффузная роль, конечно, менее эффективна по сравнению с узко специализированной ролью. Работникам требуются годы, чтобы приобрести технические навыки, само обучение носит индивидуальный и несистематический характер. В современных обществах, напротив, преобладает функциональная специализация. Например, роль работодателя определяется достаточно узко. Его обязанности по отношению к работнику ограничены и редко выходят за сферу производства. Поскольку работодатель и работник имеют возможность избежать других обязательств по отношению друг к другу, они могут больше времени уделять росту эффективности и производительности [36].

Если у Парсонса-Шилза типовые переменные выступали в качестве своеобразных «вызовов» по отношению к актору, то позднее, в 1955 г., Фрэнк Саттон конвертировал их в характеристики социальных систем. Схема Саттона включила большинство принятых отличительных характеристик «аграрного» и «индустриального» общества. Первое характеризовалось следующими параметрами: 1) доминирование аскриптивных, партикуляристских, диффузных образцов мотивации; 2) стабильные локальные группы и ограниченная пространственная мобильность; 3) относительно простая и малоподвижная профессиональная дифференциация; 4) статусная стратификационная система, включающая диффузные взаимодействия. Для «индустриального общества» были присущи следующие характеристики: 1) преобладание универсалистских, спецификационных норм поведения, ориентированных на достижение; 2) высокая степень социальной мобильности (не только вертикальной, но и горизонтальной); 3) развитая профессиональная система, автономная от прочих социальных структур; 4) «эгалитарная» классовая структура, основанная на общих моделях поведения, «равных» возможностях и достигаемых статусах; 5) преобладание «ассоциаций», то есть функционально специализированных, неаскриптивных структурных конструкций [37].

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Модернизационная школа явилась междисциплинарной попыткой освещения процессов развития в период перехода от стадии традиционного к стадии индустриального общества, в том числе в странах ТМ. Каждая дисциплина вносила свой вклад в определение ключевых проблем модернизационного перехода. Социологи фокусировали внимание на изменениях типовых переменных и структурной дифференциации, «социальных реквизитах» демократического поведения; экономисты изучали технологическую, инвестиционную, внешнеэкономическую, распределительную политику, подчеркивали значимость увеличения производственных инвестиций для достижения самоподдерживающегося экономического роста; политологи рассматривали роли партий, элит, групп интересов в процессе политической мобилизации, придавали большее значение росту возможностей политических систем, существенное внимание уделяли влиянию традиций,

ценностных установок, традиционных лояльностей, национальных символов на стремление поддерживать демократические институты.

Однако несмотря на мультидисциплинарную природу все представители модернизационной перспективы разделяли ряд теоретико-методологических предположений. С. Хантингтон попытался их идентифицировать. По его мнению, эта обидая для всех ученых, работающих в модернизационном русле, теоретическая основа включает пять характеристик.

1. *Модернизация — революционный процесс.* Данный тезис вытекает непосредственно из сопоставления традиционного и современного обществ, различия между которыми фундаментальны. Следовательно, переход от «традиционности» к «современности» связан с радикальными и всеобъемлющими трансформациями моделей человеческого существования и деятельности. Как писал С. Блэк, данный переход сопоставим с переходом от дочеловеческого состояния к человеческому или, например, с переходом от примитивной стадии развития к цивилизации. Ему вторит Рейнхард Бендикс, сравнивающий по значимости трансформацию XVIII в. с переходом кочевников к оседлому образу жизни, осуществившемуся около 10 тыс. лет тому назад.

2. *Модернизация — комплексный процесс.* Данный процесс вряд ли возможно свести к какому-либо одному фактору, аспекту, измерению. Модернизация вызывает изменения фактически во всех областях человеческой мысли и поведения. Как минимум, модернизация должна включать индустриализацию, урбанизацию, социальную мобилизацию, дифференциацию, секуляризацию, распространение средств массовой информации, грамотности и образования, рост политической партиципации.

3. *Модернизация — системный процесс.* Изменения одной из движущих сил соотносятся и оказывают воздействие на прочие факторы. Атрибуты модернизации формируют связанное целое, появляясь скорее в кластерах, нежели в изоляции. Как выразился Д. Лернер, модернизация — «это процесс, обладающий собственным отличительным качеством, которое может объяснить, почему современность переживается как спаянная целостность среди людей, живущих по своим правилам». Различные элементы модернизации тесно связаны между собой, «потому что в определенном историческом смысле они должны приходить вместе» [38]. Модернизация встраивает изменения в социальную систему. Как только изменения вносятся в одну из сфер деятельности, это неизбежно вызывает соответствующие изменения в других сферах. Например, если начался процесс дифференциации семьи, другие институты — экономика, средства массовой информации, правоохранительные органы и т.д. — также должны подвергнуться процессу дифференциации и интеграции (впоследствии).

4. *Модернизация — процесс глобальный.* Начавшись в Западной Европе XV—XVI вв., она стала со временем общемировым явлением, что обеспечили как диффузия современных идей и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенное развитие неевропейских сообществ. В любом случае, все общества когда-то были традиционными; все современные сообщества — или модернистские, или находятся в процессе становления в качестве модернистских.

5. *Модернизация — длительный, протяженный процесс.* Весь объем изменений, вызываемых модернизацией, должен осуществиться в течение какого-то промежутка времени, не одновременно. Таким образом, модернизация носит революционный характер по масштабам изменений, но при этом она эволюционна по скорости осуществления этих изменений. Модернизационный переход западной цивилизации потребовал нескольких столетий. Модернизация в современных условиях, очевидно, совершается более быстрыми темпами. Таким образом, несомненно ускорение процессов модернизации, но даже в нынешних условиях эта трансформация должна быть достаточно длительной, осуществляемой на протяжении жизни нескольких поколений.

6. *Модернизация — стадийный процесс.* Возможно выделение уровней или фаз модернизации, через которые должны пройти все общества. Общества начинают модернизационный путь с примитивных, простых, слабо дифференцированных на стадии «традиционности» и завершают модернизацию будучи развитыми, сложными, дифференцированными на стадии «современности». Промежуточная «переходная» фаза, в свою очередь, может быть разбита на субфазы. Таким образом, общества можно сравнивать между собой и ранжировать в соответствии со степенью их продвижения от «традиционности» к «современности». Хотя лидерство в процессе модернизации может переходить от одного общества к другому, несколько отличаться друг от друга будут конкретные модели развития, однако все общества должны пройти сущностно единые стадии модернизации.

7. *Модернизация является процессом гомогенизации.* Существует множество типов традиционных сообществ. Как считают некоторые специалисты, традиционные структуры не имеют ничего сходного между собой за исключением лишь общего для всех отсутствия «современности». Модернизированные общества, напротив, имеют множество сходных черт. Модернизация, таким образом, стимулирует тенденции к конвергенции сообществ. Как отмечал М. Леви, «со временем они и мы будем все больше походить друг на друга, потому что модели модернизации таковы, что чем более модернизируются общества, тем больше они напоминают друг друга» [39].

Модернизация влечет за собой движение «в сторону взаимозависимости между политически организованными обществами и по направлению к окончательной интеграции сообществ». «Универсальные императивы современных идей и институтов» могут вести к той стадии, «на которой различные общества будут настолько однородны, что будет возможно формирование единого всемирного государства» [40].

Данную характеристику можно дополнить более поздними наблюдениями Алвина Соу, который считает, что представители модернизационной школы классического периода широко разделяли представление о модернизации как процессе европеизации (или американизации). Модернизация сводилась преимущественно к европеизации (или американизации). В литературе по модернизации господствовала установка благодушия по отношению к Западной Европе и США. Эти нации рассматривались как не имеющие себе равных по параметрам экономического благосостояния и демократической стабильности. Таким образом,

последователи в процессе модернизации должны были ориентироваться именно на Западную Европу и США, как на идеальные модели. Поскольку данные образцы отличались высокой степенью индустриализации и демократизации, индустриализация и демократизация в концепциях школы модернизации приобрели значение своеобразных символов, знаков самой модернизации. Теоретически, модернизирующиеся страны должны были со временем становиться все более похожими на сообщества Европы и Северной Америки.

8. *Модернизация — процесс необратимый.* Однажды начавшись, он не может быть остановлен. Другими словами, если страны ТМ вошли в контакт с Западом, то они уже не смогут противостоять импульсу к модернизации. Общество, достигшее определенных успехов в осуществлении урбанизации, индустриализации, распространении грамотности на какой-то стадии модернизации, на следующей ее стадии не может опуститься на более низкий уровень развития. Может сильно варьировать применительно к различным странам степень изменений, но не само направление этих изменений. Так, М.Левин называет модернизацию «универсальным социальным решением», разлагающим традиционные характеристики стран ТМ. При этом представители модернизационной перспективы допускали возможность временных срывов, частичных отступлений в реальном процессе модернизации.

9. *Модернизация — прогрессивный процесс.* Модернизация может вызывать страдания, она наносит множество глубоких травм, но в длительной перспективе это не только неизбежный, но и желанный процесс. Модернизированные системы обладают гораздо большими возможностями по сравнению с традиционными. Зло и страдания в ходе модернизации обязательно должны в конце концов окупиться, так как материальное и культурное благополучие современного общества неизмеримо выше в сравнении с традиционным [41].

По мнению А.Сю, перечисленные характерные особенности модернизационной парадигмы можно разбить на две группы, несущие, соответственно, следы эволюционизма и функционализма. Первый набор предположений взят из эволюционной теории. Согласно последней, социальные изменения однонаправлены, прогрессивны, постепенны и необратимы. Другой набор предположений, разделяемых представителями модернизационной школы, был заимствован из функционалистской теории, которая подчеркивала взаимозависимость социальных институтов, значимость типовых переменных на культурном уровне и имманентного процесса изменений через гомеостатическое равновесие.

Помимо того, что модернизационная школа разделяла тезисы эволюционного и функционалистского направления, ее представители использовали схожие методологические подходы.

Для модернизационной школы 1950–1960-х гг. была характерна тенденция проведения исследований на достаточно обобщенном и абстрактном уровне. Поскольку их целью было объяснить общие модели, универсальные тренды и наиболее общие перспективы развития для стран ТМ, постольку их не занимали уникальные случаи и исторически специфические события. Чтобы создать обобщения высокого уровня, представители модернизационного направления полагались на парсонсовские идеал-типические конструкции (например традиционные общества VS современные), которые

позволяли резюмировать их ключевые аргументы. Вследствие применения данного подхода главным итогом исследований представителей рассматриваемой школы стало индексирование особенностей дихотомических идеальных типов.

Как отмечает Д.Тиглис, масштаб национального государства имеет критическое теоретическое значение для представителей модернизационной перспективы, даже если это и не осознается ими в полной мере. Но это может быть концептуализировано: индустриализация или структурная дифференциация, любой subprocess модернизации обычно рассматриваются как источники изменений на национальном уровне [42]. Таким образом, теории модернизации преимущественно были ориентированы на объяснение процессов трансформации наций-государств.

КРИТИКА ТЕОРИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В 1960-е гг. школа модернизации подверглась критике с разных точек зрения, как с позиций представителей основного течения западной академической науки, так и со стороны левых, в том числе марксистских, направлений [43]. Сделанные замечания в первую очередь касались эволюционистских и функционалистских допущений сторонников школы модернизации.

Возражение вызвало предположение об однонаправленном характере развития. Почему традиционные общества ТМ должны двигаться по пути, проложенному странами Запада? Согласно критикам, этот элемент модернизационной парадигмы возник в результате того, что большинство исследователей, работавших в ее рамках, — американцы или европейцы. Родившиеся или выросшие на Западе, они верили, что их собственные культурные ценности наиболее естественные и самые лучшие в мире. Поэтому, считая, что западные страны представляют будущее для немодернизированных обществ, сторонники модернизационной перспективы полагали, что традиционные системы должны продвигаться в сторону западной модели развития. Оппоненты охарактеризовали эту веру в западное превосходство «этноцентризмом». Почему западные страны, задавали они вопрос, помещаются на вершине эволюционного пути и маркируются как «развитые» или «современные», в то время как страны ТМ располагаются ближе к нижнему концу принятой шкалы и именуются «примитивными» или «традиционными» обществами? Оппоненты утверждали, что понятия «развитый», «современный», «традиционный», «примитивный» — элементарные идеологические ярлыки, используемые для оправдания превосходства Запада.

Далее прозвучало замечание, что вера в однонаправленное развитие привела к игнорированию альтернативных путей развития традиционных сообществ. Поскольку сторонники модернизационной перспективы видели в качестве финальной ступени эволюции лишь западную модель, они практически вынесли за скобки возможность для стран ТМ выбирать другие маршруты развития. Рассуждали так: если США имеют демократические институты, значит, демократия является главным компонентом современного общественного устройства. При этом даже не ставился вопрос о возможностях успешного экономического развития вне демократического институционального контекста. Между тем историческая ре-

альность демонстрировала такие возможности (например авторитарные модели развития Тайваня или Южной Кореи).

Критики обвиняли модернизационную школу в чрезмерном оптимизме. Сторонники модернизационного подхода, по их мнению, ошибочно полагали, что поскользку Запад стал развитым, то и страны ТМ в состоянии пройти тот же путь. Исследователи не изучали серьезно возможность «неразвития». Многие критики утверждали, что перспективы стран ТМ крайне неопределенны, что существует реальная опасность слома, сворачивания модернизации, например в Эфиопии, где люди столкнулись с проблемой голода, а нация оказалась на грани вымирания. Оппоненты утверждали, что за последнее столетие положение многих стран ТМ ухудшилось. Атаке также подверглось функционалистское предположение о несовместимости традиции и современности.

Во-первых, задавался вопрос, что же все таки представляет из себя традиция на самом деле? Справедливо ли утверждение, согласно которому традиционные сообщества имеют набор однородных и гармоничных ценностей? По мнению критиков, напротив, немодернизированные социальные системы имели гетерогенные ценностные структуры. Так, Р.Редфилд предложил различать «большую» (ценности элиты) и «малую» (ценности масс) традиции. Элита может высоко оценивать поэзию, живопись, танцы, охоту, отдых, философию, в то время как для низов наиболее значимы трудолюбие, бережливость и т.д. По мнению Редфилда, эти две традиции имеют существенные различия: если «большая традиция» культивируется в школах и храмах, то «малая» вырабатывается и поддерживается жизнью людей необразованных в их деревенских общинах; если первая культивируется и наследуется сознательно, то вторая скорее принимается как данность и в слабой степени подвергается анализу или совершенствованию. Вместе с тем, Р.Редфилд отметил взаимодействие и взаимозависимость, существующие между «большой» и «малой» традициями: «Большую и малую традиции можно представить в виде двух потоков мысли и действия, отличных друг от друга и вместе с тем впадающих один в другой и вытекающих один из другого» [44].

Более того, было отмечено, что доиндустриальные общества характеризуются не только культурной неоднородностью, но и конфликтностью культурных систем. Функционалисты в общем придерживались ошибочной концепции, что общества прошлого были мирными и стабильными. В действительности, как оказалось при более внимательном изучении, они постоянно сотрясались крестьянскими восстаниями, национальными движениями, религиозными войнами.

Во-вторых, критиками теорий модернизации был поставлен вопрос, а действительно ли традиционные и модернистские ценности являются взаимоисключающими? Конкретный эмпирический анализ показал, что в традиционных обществах обнаруживается множество элементов, которые вполне можно отнести (или интерпретировать) к модернистским. Так, в традиционном китайском обществе (с его партикуляристской припиской к статусу) существовала безличностная система экзаменов для чиновников, ориентированная не на традиционную статусную идентификацию, а на универалистский принцип «достижения». С другой стороны, критики обратили внимание на то обстоятельство, что традиционные ценности и структуры сохраняются и в модернизированных обществах (например, партикуляристские

ценности — этнические или половозрастные идентификации — невозможно элиминировать из процесса рекрутирования и продвижения персонала в современных бюрократических структурах). Следовательно, похоже, что традиционные и современные ценности всегда сосуществовали и будут сосуществовать в будущем.

В-третьих, был поставлен под сомнение тезис классической школы модернизации о том, что традиционные ценности всегда являлись препятствием в контексте процессов развития и что, соответственно, необходимо элиминировать традиционные ценности, чтобы содействовать модернизации. Как отметили некоторые критики, сами традиционные ценности могут порой быть в высшей степени полезными и конструктивными в процессе модернизации. Так, например, в Японии традиционная ценность «преданности императору» легко трансформировалась в «преданность фирме», что способствовало стабильности трудовых коллективов и росту производительности труда. Успехам ранней индустриализации в Японии способствовала сохранившаяся в основном традиционная семейная система, в частности подчинение власти отца.

В конце концов, оппоненты задавали вопрос, а может ли модернизация целиком заменить традиционные ценности? По их мнению, традиционные ценности всегда будут присутствовать в процессе модернизации. Согласно теории культурного лага (В.Огборн), традиционные ценности будут существовать достаточно длительное время, даже если исчезнут первичные условия, которые в свое время вызвали их появление. Не только невозможна простая, односторонняя замена традиционных ценностей, но и традиционные ценности призваны оставаться и воздействовать на развитие современных ценностей. Например, сильная вера китайцев в собственную медицину повлияла на формы восприятия ими западной медицины: китаец может выпить вечером травяной отвар, приняв утром таблетку аспирина. Более того, даже в тех случаях, когда кажется, что традиционные ценности уже ликвидированы, они могут позднее возродиться и оказывать воздействие на процесс развития. Традиционные ценности нередко вновь вызываются к жизни в критические поворотные моменты процесса модернизации. Во время движения за национальную независимость, например, традиционные ценности, такие, как народная религия, народные песни, родной язык, зачастую используются для объединения нации в целое. Поэтому, традиционные ценности никогда не умрут [45].

Согласно критикам, представители модернизационной перспективы формулировали свои аргументы на таком высоком уровне абстракции, что сложно было понять, какую страну и какой исторический период они обсуждают. Например, при рассмотрении типовых переменных (партикуляризм, приписка, коллективизм, диффузность, аффективные ценности) не было ясности, какая страна имеется в виду. Также обычно не было понятно, какой исторический период изучается — XVII, XVIII, XIX или XX в. Исследования в рамках модернизационной парадигмы велись на таком высоком уровне обобщения, что их утверждения обычно выходили за рамки времени и пространства. Критики утверждали, что школе модернизации не хватает историзма, исторических исследований ситуаций до и после начала модернизации. Сторонники изучаемой школы обычно предпринимали

кросс-национальные исследования на какой-то определенный момент времени вместо того, чтобы рассматривать динамику процессов.

Помимо академической, модернизационная школа стала объектом политической и идеологической критики со стороны неомарксистов. С точки зрения последних, модернизационная перспектива являлась идеологией холодной войны, которая использовалась для оправдания вмешательства США в дела стран ТМ. Кроме того, модернизационная школа подвергалась критике за игнорирование фактора внешнего доминирования. Фокусируя внимание на внутренних особенностях, таких, как традиционные ценности и недостаток производственных инвестиций, сторонники модернизационной парадигмы не уделяли должного внимания внешней динамике, например истории колониализма и неоколониализма, контроля мульти-национальных корпораций над экономикой стран ТМ, природе международных систем. В то время как модернисты полагали, что развивающиеся страны уже получили политическую автономию после ликвидации формальной колониальной зависимости, неомарксисты утверждали, что эти страны до сих пор политически, экономически и культурно зависят от Запада.

Таким образом, академическая и политическая критика обратила внимание на многие ошибочные и некорректные эволюционистские и функционалистские допущения, методологические проблемы и идеологическую тенденциозность модернизационной школы. Модернизационный анализ обвиняли в западно-центризме, упрощенчестве, наивном эволюционизме, дихотомическом — примитивном — видении проблемы взаимоотношений «традиции» и «modernity», «консервативной» приверженности парсонсовскому «функционализму», неспособному объяснять реальные социальные сдвиги.

В разгар теоретических дискуссий конца 1960-х гг. модернизационная школа в общем вела себя оборонительно и уделяла мало внимания содержательной стороне критики. Однако как только страсти улеглись, в конце 1970-х гг. сторонники модернизационной перспективы стали относиться к критике более серьезно. Школа модифицировала ряд собственных базовых принципов и начала серию оригинальных исследований, которые, по выражению Алвина Соу, можно квалифицировать как «новые модернизационные штудии».

ИЗУЧЕНИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПОСТКРИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

К концу 1970-х гг., когда накал критики в адрес модернизационной школы несколько спал, началось возрождение модернизационных исследований. Как и классические модернизационные штудии, эти новые исследования также фокусировали внимание на проблемах эволюции развивающихся стран. Анализ велся преимущественно на национальном уровне с целью объяснить процесс развития через действие внутренних факторов, таких, как культурные ценности и социальные институты. Новые модернизационные штудии использовали терминологию, во многом унаследованную от классических работ, выполненных в рамках школы модернизации («традиция» и «современность», например). В целом

ним также присуще убеждение, что модернизация (и контакт с Западом) благотворны для традиционных сообществ.

Однако существуют и серьезные различия между классическими и новыми исследованиями. Представители обновленной школы занимают скорее наступательные позиции. С одной стороны, они отражают нападки марксистских критиков, обвиняя последних в искажении собственных аргументов и маркируя их как пропагандистов. С другой стороны, они беспристрастно пересматривают базовые положения собственной школы, сами занимаются собственной «домашней» критикой и без колебаний убирают некоторые сомнительные допущения классической школы. Поэтому новая волна модернизационных исследований несколько отличается от классических штудий по ряду параметров.

Социокультурные компоненты всегда занимали важное место в интерпретациях действительности, которые создавались в лоне теорий модернизации. Более того, пересмотр, переоценка места и значения социокультурных факторов в процессе перехода от традиционного к современному обществу оказывали решающее воздействие на характер эволюции самой модернизационной перспективы. Последняя от однозначно негативного отношения к социокультурной традиции перешла к более гибкой и конструктивистской трактовке роли традиций в ходе модернизационного перехода. Благодаря более внимательному изучению широкого спектра национальных культурных традиций сторонники школы модернизации отказались от одностороннего представления о модернизации как движении в сторону западных институтов и ценностей и пришли к убеждению о возможности собственных оригинальных путей развития (национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную культурную окраску). Традиция и современность уже не рассматриваются как взаимоисключающие концепты. В исследованиях 1970–1980-х гг. традиция и современность не только сосуществуют, но и проникают друг в друга и могут смешиваться между собой. Вместо прежнего третирования традиций как препятствий для модернизации исследователи делают попытку рассмотреть конструктивное значение традиций в процессе модернизации. Изменение оценок роли и места традиций в процессе модернизации привело к появлению ряда новых исследовательских тем, а также к большему вниманию по отношению к традиционным чертам (народные религии, семейственность).

Произошли и определенные методологические сдвиги. Вместо типологизирования и ведения дискуссий на достаточно высоком уровне абстракции сторонники модернизационного подхода стали проявлять склонность к рассмотрению конкретных ситуаций. История возвращается, дабы продемонстрировать специфичность развития в конкретных странах. Нередко углубленные ситуационные исследования стали дополняться компаративной перспективой: например, исследование того, почему один и тот же институт играет различные роли в разных странах.

Большее чем прежде внимание стало уделяться внешним, международным, факторам. Хотя фокус исследований по-прежнему направлен на внутренние факторы модернизации, ученые не отрицают роли, которую играют внешние факторы в модификации процессов развития. К тому же гораздо больше места отводится феномену конфликтов. Нередко такие факторы, как классовый конфликт, идеологическое доминирование, религиозные революции, инкорпорируются

в новые штудии. Усовершенствованная методология в полной мере отразилась на исследованиях С.Хантингтона, С.-Л.Вонга, У.Дэйвиса [46].

Используя новые понятия, такие, как семейное предпринимательство, теория баррикад, исламское возрождение, исследователи приблизились к пониманию того, что такое традиция, как она взаимодействует с западными силами и какую роль играет в процессе модернизации. В то время, как классическая модернизационная школа фокусировала внимание на негативной роли традиций, новая модернизационная школа обнаружила запутанный клубок взаимоотношений между традицией и современностью. Так, Вонг показал, что патриархальный менеджмент, nepотизм, семейная форма собственности способствовали экономическому развитию Гонконга. Дэйвис доказывает, что в рамках японской промышленности происходит передача традиционной религиозной трудовой этики через систему церемоний посвящения, учебных занятий, «духовного образования».

Современные исследования отличаются более историческим подходом. Вместо того, чтобы иллюстрировать теорию конкретными примерами, специалисты используют ее для объяснения уникальных конкретных ситуаций. Например, Вонг приходит к выводу, что его открытие «гонконгской» семейственности (familism) может оказаться неприменимым к другим территориям (например континентальному Китаю, Корее или Японии). Дэйвис заново прочитывает религиозную историю Японии, подчеркивая, что народная религия и магия могут продолжить существование и взаимодействовать с современным индустриализмом.

Как уже отмечалось, существенное влияние на динамику исследований модернизации оказали мощные социальные трансформации конца 1980—1990-х гг. сами ставшие объектом пристального внимания сторонников модернизационной перспективы и давшие многочисленные поводы для дальнейшей корректировки теории. При этом интерес ученых не ограничивается периодом собственно реформ (приблизительно с 1989 г.), но распространяется и на предшествующую эпоху. Внутри последней, по мнению проф. Эдварда Тириакаяна, существенное внимание следует уделить таким «модернизационным» проблемам, как строительство и распад социалистического общества, формы уклонения от властного контроля в повседневной жизни, появление стратификации в идеологически агалитарном обществе, поддержание социокультурной идентичности перед лицом массовой «советизации» и т.д.

Как считает Э.Тириакаян, сдвиги, охватившие современный мир, лишь частично вызваны экзогенными причинами; в значительной степени они обусловлены взаимодействием между эндогенными экономическими, политическими и культурными факторами. Именно это обстоятельство объясняет ренессанс теории модернизации и надежды на возможность ее плодотворного применения для объяснения сложных социальных изменений в странах ЦВЕ.

Трансформация стран бывшего социалистического лагеря потребовала дальнейшего развития модернизационной перспективы. При этом, как и прежде, переосмысление модернизационного комплекса продвигалось во многом в русле критики эволюционизма и функционализма, заложенных в теоретической матрице перспективы, а также эволюции от высокого уровня абстракции к эмпирическим исследованиям. Так, П.Штомпка и К.Мюллер подчеркивают необходимость корректировки

парадигмы, освобождения ее от различных форм историцизма и эволюционизма. К.Мюллер высоко оценивает эвристическое значение теории modernity Т.Парсонса и считает, что модернизационная перспектива в новом прочтении в состоянии обеспечить исследователей важными ориентирами для систематического построения новой теории социальных изменений. Однако К.Мюллер выступает против возрождения прямолинейной эволюционной логики modernity, развивавшейся, в частности, немецкими неопарсонянами в 1980-е гг. («неофункционализм») [47]. Кроме того, Мюллер подчеркивает необходимость внимательного изучения конкретной «исторической констелляции», в рамках которой разворачивается социально-экономическая трансформация.

Тириакиан определяет новейшую, скорректированную им версию теории модернизации как «неомодернизационный анализ». Его подход имеет множество точек соприкосновения с теоретическим направлением, получившим наименование «социальное становление», которое развивает Петр Штомпка. Последний предлагает вместо прежних грандиозных исторических схем эволюционизма и материализма методологию анализа пространственно и темпорально ограниченных изменений в современном обществе. Как подчеркивает Б.Гранцелли, «неомодернизационный анализ» Э.Тириакиана и теоретическая перспектива П.Штомпки во многом дополняют друг друга; при этом оба направления имеют общую теоретическую базу — опираются на теорию действия и историческую социологию. Если Штомпка подчеркивает роль «неуловимых и не поддающихся учету» переменных в процессе социокультурных изменений, то Тириакиан признает, что общества и группы акторов ищут новые линии развития, которые соответствуют целям и ценностям, определяющим их пространственно-временной горизонт. Кроме того, он указывает, что успех модернизации находится в зависимости от степени гармонизации ценностей и приоритетов с теми ограниченными ресурсами, которыми располагает общество.

В том же направлении, что и вышеперечисленные исследователи, развивает теорию модернизации К.Мюллер. По его мнению, преимуществом теории модернизации является то, что она эластична к внутренним трудностям социально-экономической трансформации Восточной Европы, а не к второстепенной проблеме импорта постсоциалистическими странами западных институтов с целью стимулирования «догоняющей модернизации». Функциональной дифференциации и анонимной логике эволюционизма Мюллер противопоставляет подход, который фокусируется на таких факторах, как историческая случайность, границы и возможности инновационной деятельности, средовые ограничения, динамика интер-социальных отношений и социально-политические движения [48].

«Неомодернизационная аналитическая» ориентация прослеживается также в работах других авторов, которые воплощают как бы разные углы зрения на проблематику развития [49].

Э.Тириакиан попытался детализировать «систему отнесения» («frame of reference»; термин Т.Парсонса), необходимую для обеспечения взаимодействия теории («неомодернизационный анализ») и анализа. По его мнению, в данную систему необходимо внести следующие главные компоненты:

— социальные акторы (коллективы или индивиды) всегда обладают возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства. Метатеоретическое основание данного утверждения сформулировано Т. Парсонсом в его «волюгаристской теории действия», феноменологической базой которой является представление о том, что все социальные действия являются ответами актора на ситуацию «пробывания в ситуации» («being-in-a-situation»). По мнению Э. Тириакаяна, данное основание обеспечивает более адекватное «микромикро» сцепление по сравнению, например, с неоутилитарными моделями, такими, как перспектива «рационального выбора»;

— общество (как группа акторов) стремится выстраивать новые линии развития, которые должны гармонировать с целями и ценностями, формирующими пространственно-временной горизонт этих акторов. При этом успех модернизации находится в прямой зависимости от того, насколько коллективные решения и свершения будут соответствовать коллективной траектории, преследуемой обществом. Как отмечает Тириакаян, дисгармония между культурными, политическими и экономическими ценностями и приоритетами, с одной стороны, и наличным ресурсами, с другой, может создавать проблемы в процессе модернизации;

— модернизация не может интерпретироваться как единый процесс системной трансформации и/или всеобщего продуктивного подъема. В конкретном обществе отдельные сектора или группы акторов действительно могут сознательно постоянно следовать по пути модернизации. Некоторые группы могут делать это лишь на протяжении какого-то временного отрезка. Наконец, отдельные акторы вообще могут отвергать движение по пути модернизации (например те, кто имеет доступ к ресурсам в рамках старого институционального устройства);

— в свете новых исторических реалий Э. Тириакаян предлагает пересмотреть ряд идей Просвещения, прочно вошедших в идеологию modernity. По его мнению, необходимо подвергнуть ревизии представления о роли религии (институционализируемая церковь или маргинальная секта) в процессе модернизации. Эта роль бывает весьма значительной. Религия может выполнять функцию легитимизации и мобилизации масс на свершения. Она же обеспечивает делегитимизацию неэффективного или оскорбительного политического строя и стимулирует сопротивление авторитарным или тоталитарным режимам. Тириакаян ссылается на процессы в Польше, Никарагуа, Иране, Чили, на Филиппинах и в других странах на протяжении последних 15 лет или около того, которые, по его мнению, подтверждают потенциальную и актуальную роль религии как «рычага социальных изменений»;

— процессы модернизации требуют кратковременных издержек и даже жертв, что влечет лишения и испытания для отдельных сегментов населения и не приносит равномерного благополучия абсолютно всем. Однако, по мнению Тириакаяна, критерием успешной модернизации должно являться, в конечном итоге, улучшение условий жизни и обеспечение возможностей преодоления проблем для большего числа акторов, нежели накануне процесса модернизации;

— процессы модернизации по мере их исторического развертывания способны адаптироваться к разнообразным контекстам, поэтому они могут в одно и то же

время осуществляться как в одной стране, так и в кластере стран. Поэтому, утверждает Тириакия, не существует какого-то фиксированного «центра modernity», напротив, возможно существование нескольких «эпицентров» модернизации, число которых может пополняться. В работе 1985 г. Э.Тириакия пишет о перемещении центра модернизации в Восточную Азию [50];

— модернизация не может трактоваться как непрерывный процесс, даже если конкретным обществом пройдена стадия «взлета» («take-off»). Э.Тириакия подчеркивает необходимость более внимательного — теоретического и эмпирического — отношения к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса. Как пишет Э.Тириакия, «существуют периоды расширенной деятельности по изменению или совершенствованию социальных структур или институционального устройства не только внутри, но и между обществами, и имеют место другие периоды, когда наступают удовлетворенность и усталость, сопровождаемые лишь слабыми попытками подъема и обновления». Такие периоды кажущейся неактивности могут быть эпохами упадка (например последовавший после грандиозного взлета период стагнации в истории Нидерландов в XVIII в.) или медленного скрытого вызревания инноваций и новой ментальности, еще не проникших в официальный институциональный порядок и властные структуры [51].

Обосновывая релевантность «неомодернизационного анализа» как методологического инструмента для изучения современных процессов в ЦВЕ, Э.Тириакия утверждает, что после 1989 г. страны данного региона оказались в положении «новых наций», аналогичном положению молодых государств, образовавшихся в середине XX столетия после крушения западных колониальных империй. По мнению Тириакия, эта позиция характеризуется наличием свободы выбора дальнейшего пути развития. Однако, как и перед молодыми нациями в середине века, перед странами ЦВЕ сегодня маячит и опасность скатывания к «трайбализму» и авторитарным формам правления.

Сторонники новой версии теории модернизации (Э.Тириакия, П.Штомпка) указывают на ряд препятствий, которые могут помешать процессу модернизации. Это коллективная ментальность, сформировавшаяся в условиях прежнего авторитарного правления при отсутствии гражданского общества, способного поддерживать свободу выражения и индивидуальную ответственность. Другим препятствием могут стать социальные проблемы (в частности безработица), неизбежные в условиях реструктуризации пост-социалистических предприятий. В свою очередь, эти социальные травмы повышают привлекательность социал-демократических, коммунистических партий. Согласно Тириакию, это отнюдь не означает возврата к авторитарному коммунистическому управлению или волны «анти-модернизма». Скорее подобные сдвиги можно рассматривать как аспект модернизации, кстати уже пережитый западными странами в прошлом веке и приведший к формированию политик достижения благосостояния в индустриально развитых странах. Однако, продолжает Тириакия, реакция против либерализации может привести к власти элиты, идеология которых оформилась в эпоху господства авторитарных режимов, что может сопровождаться реставрацией старой системы власти и привилегий и, конечно же, задержит формирование нового

поколения менеджеров, восприимчивых к экономическим и институциональным инновациям.

Как и во многих развивающихся обществах, в постсоциалистических странах на повестке дня стоит проблема недостатка социально ответственных предпринимателей. По мнению Тириакиана, эта проблема обусловлена двумя причинами: во-первых, продолжавшейся на протяжении более чем половины столетия политикой опорочения духа предпринимательства, стремления к получению прибыли, готовности к предпринимательскому риску; во-вторых, приблизительно такой по длительности традицией бюрократической коррупции и антизаконности, которая содействовала формированию теневой экономики в социалистических странах.

Тириакиан отмечает, что существует множество путей движения к *modernity*. В связи с этим задачей элит в пост-социалистических обществах является выбор таких моделей модернизации, которые оптимальны для развития различных институтов. Автор подчеркивает, что успех модернизации во многом будет зависеть от степени корреспонденции между моделями модернизации и национальными традициями и устремлениями, а также от того, удастся ли достичь национального консенсуса в сложных условиях реконструкции общества [52].

Итак, модернизационная парадигма, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма в 1950–1960-е гг., прошла длительный путь эволюции, в ходе которого она подвергалась значительному усовершенствованию. Модернизационная перспектива — пример теории, которая развивалась в постоянном взаимодействии с реальными процессами развития, вносящими коррективы в ее содержание. Пересматривались как методология исследования, так и теоретические основы данного научного направления, что в конце концов способствовало превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации можно отнести: 1) пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения в сравнении с ранними концептуальными схемами; 2) переход от достаточно абстрактного теоретизирования к рассмотрению конкретных ситуаций; 3) рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; 4) инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; 5) акцент на циклическую природу процесса модернизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. С. 10–11.
2. Eisenstadt S.N. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966.
3. Idem. *Tradition, Change, and Modernity*. N.Y.: Wiley, 1973.

4. Idem. *Revolution and the Transformation of Societies. A Comparative Study of Civilizations.* N.Y.; London, 1978.
5. *Patterns of Modernity.* Ed. by S.N.Eisenstadt. London, 1987. Vol. I: *The West*; Vol. II: *Beyond the West*.
6. Eisenstadt S.N. *The Political Systems of Empires.* N.Y.: Free Press, 1963.
7. *Modernization: The Dynamics of Growth.* N.Y.; London: Basic Books Inc., 1966.
8. Apter D. *The Politics of Modernization.* Chicago; London, 1965.
9. Idem. *Rethinking Development: Modernization, Dependency, and Postmodern Politics.* Newbury Park: Sage Publications (Calif.), 1987.
10. Black C. *The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History.* N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.
11. *Comparative Modernization: A Reader.* Ed. by C.E.Black. N.Y.; London, 1976.
12. *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences.* Ed. by E.Etzioni-Halevi and A.Etzioni. N.Y.; 1973.
13. Almond G.A., Coleman J.S. *The Politics of Developing Areas.* Princeton: Princeton University Press, 1960.
14. Finkle J.L., Gable R.W. (eds.). *Political Development and Social Change.* N.Y.; London; Sydney, 1966.
15. Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East.* N. Y.; London. 1965.
16. Ibid. P. 47.
17. Rogger H. *Russia in the Age of Modernization and Revolution, 1881–1917.* London, 1983; Pearson R. *The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914–1917.* London, 1977; Хаймсон Л. Исторические корни Февральской революции // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 20–36; Laue Th.H. von. *Sergei Witte and the Industrialization of Russia.* N.Y., 1974; Mosse W.E. *Alexander II and the Modernization of Russia.* London, 1992; Blackwell W.L. *The Beginnings of Russian Industrialization, 1800–1860.* N.Y.; 1968; Idem. *The Industrialization of Russia: An Historical Perspective.* Davidson Illinois (Ill.), 1982; Gattrell P. *The Tsarist Economy, 1850–1917.* London, 1986; *Aspects of Late Tsarist Russia.* Nottingham, 1980; Geyer D. *Russian Imperialism. The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914;* Malloy J.A. *The Zemstvo reform of 1864: Its Historical Background and Significance in Tsarist Russia.* Ann Arbor, 1980; Hudson H.D. *The Rise of the Demidov Family and the Russian Iron Industry in the 18th Century.* Newtonville, 1986.
18. *From Tsarism to the New Economic Policy: Continuity and Change in the Economy of the USSR.* Ed. by R.W.Davies. Birmingham, 1990; *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945.* Ed. by R.W.Davies, M.Harrison, S.G.Wheatcroft. Cambridge, 1994; *Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union / Guroff Gregory and Fred Carstensen (eds.).* Princeton, N.Y.; 1983.
19. See: Black C. *The Dynamics of Modernization... P. 186–199.*
20. Andorka R. *The Socialist System and its Collapse in Hungary: An Interpretation in Terms of Modernization Theory // International Sociology. 8 (September 1993). P. 317–337.*
21. Поляков Л.В. *Методология исследования российской модернизации // Полис, 1997. № 3. С. 6; Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность, 1998. № 4. С. 127.*
22. Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. *Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.,*

1998; Он же. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40–56; Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // Там же. С. 3–39; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998; Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995; Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; Модернизация и национальная культура. М., 1995; Новая Россия на пути к общему дому: Западные модели развития и общегуманные ценности в контексте российской истории и социально-экономических преобразований в современной России // Новый мир, 1994. № 1; Согрин В.В. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии, 1994. № 11. С. 3–18; Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис, 1998. № 2. С. 39–51; Пантин В.И. Ритмы общественного развития и переход к постмодерну // Вопросы философии, 1998. № 7. С. 3–14; Ерасов Б.С. Одномерная логика российских модернизаторов // Общественные науки и современность, 1995. № 2; Российская модернизация XIX–XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997; Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998; Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997; Лейбович О.Л. Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996; Зарубина Н.Н. Составляющие процесса модернизации: эволюция понятий и основные параметры // Восток. Afro-азиатские общества: история и современность, 1998. № 4. С. 25–37; Она же. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998; Она же. Модернизация и хозяйственная культура (концепция М. Вебера и современные теории развития) // Социс, 1997. № 4. С. 46–54; Она же. Самобытный вариант модернизации // Социс, 1995. № 3; Зарин В.А. Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв. М., 1991; Размышления о японской истории. М., 1996; Японский феномен. М., 1996; Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991; Государственность и модернизация в странах Юго-Восточной Азии. М., 1997; Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М., 1997; Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996; Ивановский Э.В. Колумбия: государство и гражданское общество. Опыт экономических и политических реформ в условиях нестабильности. М., 1997; Критический анализ буржуазных теорий модернизации: Сб. обзоров. М., 1985.

23. Almond G. The Development of Political Development // Understanding Political Development. Boston: Little, Brown, 1987. P. 437.

24. Tipps D.C. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective // Comparative Modernization: A Reader. Ed. by C.E. Black. N. Y.; London, 1976. P. 62–64.

25. So A.Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 17–18, 36–37.

26. Nettl J.P., Robertson R. International Systems and the Modernization of Societies: The Formation of National Goals and Attitudes. N.Y.; Basic Books, 1968.

27. Robertson R. Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and Modernization // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; N.Y.; De Gruyter, 1995. P. 218.

28. Grancelli B. Who Should Learn What? // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; N.Y.; De Gruyter, 1995. P. 25.

29. Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader... . P. 32–33.
30. Ibid. P. 27–28.
31. Nisbet R. Social Change and History: Aspects of the Western Theory of Development. N.Y.; Oxford University Press, 1969.
32. Tipps D.C. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective... . P. 63–64; So A.Y. Social Change and Development... . P. 66–70.
33. Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 67.
34. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. Изд-во Казанского ун-та, 1997.
35. Grancelli B. Who Should Learn... .
36. Huntington S.P. The Change to Change... . P. 28; So A.Y. Social Change and Development... . P. 18–23; Ковалев А.Д. Формирование теории действия Толкотта Парсонса // История теоретической социологии. Т. 3. М., 1998. С. 176–178; Юнда Л.Г. Социология культуры. М., 1998. С. 37–39; Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь... С. 212–214.
37. Sutton F.X. Social Theory and Comparative Politics // Comparative Politics: A Reader. Ed. by H. Eckstein and D. Apter. N.Y.; 1963. P. 67.
38. Lerner D. The Passing of Traditional Society... . P. 438.
39. Levy M.J. Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization // Readings on Social Change. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. P. 207.
40. Black C. The Dynamics of Modernization... . P. 155, 174.
41. Huntington S.P. The Change to Change... . P. 30–31.
42. Tipps D.C. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective... . P. 62–88.
43. Bendix R. Industrialization, Ideologies, and Social Structure // Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. Ed. by E. Etzioni-Halevi and A. Etzioni. N.Y.; 1973. P. 310–319; Eisenstadt S.N. Breakdowns of Political Modernization // Ibid. P. 320–332; Gusfield J.R. Tradition and Modernity: Mismatched Polarities in the Study of Social Change // Ibid. P. 333–341; Huntington S. The Change to Change... . P. 25–61; Tipps D. Modernization Theory and the Comparative Study of Societies... . P. 62–88; Desai A.R. Need for Reevaluation of the Concept // Comparative Modernization: A Reader... . P. 89–103; So A.Y. Social Change and Development... . P. 53–59; Harrison D. The Sociology of Modernization @ Development. London: Unwin Human, 1988; Shils E.A. Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1981; Красильников В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия... С. 10–15.
44. Redfield R. Peasant Society and Culture. Chicago: University of Chicago Press, 1965; Редфилд Р. Большая и малая традиции // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 200–201.
45. Более подробно проблема места традиции в контексте модернизации разбирается в статье: Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998. С. 10–26.
46. Wong Siu-Lun. The Applicability of Asian Family Values to Other ociocultural Settings // P.L. Berger and Hsin-Huang Michael Hsiao (eds.). In Search of an East Asian Development Model. New Brunswick, NJ: Transaction, 1988. P. 134–154; Davis W. Religion and Development: Weber and East Asia Experience // M. Weiner and Samuel Huntington (eds.). Understanding Political Development. Boston: Little, Brown, 1987. P. 221–279.
47. Luhman N. The Differentiation of Society. N.Y.; Columbia University Press, 1982; Idem. The direction of evolution // Haferkamp H., Smelser N.J. (eds.). Social Change and Modernity. Berkeley: University of California Press, 1992.

48. Tiryakian E. The changing centers of modernity // Cohen E., Lissak M., Almager U. (eds.) *Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel Eisenstadt*. Boulder: Westview Press, 1985; Idem. *Modernization: Exhumer in peace (Rethinking macrosociology in the 1990s)* // *International Sociology*. 1991. № 2. P. 165–180; Sztompka P. *Society in Action: The Theory of Social Becoming*. Cambridge: Polity Press, 1991; Idem. *The Sociology of Social Change*. Oxford: Blackwell, 1994; Müller K. «Modernizing» Eastern Europe. Theoretical problems and political dilemmas // *Archives Européennes de Sociologie*. 1992. № 1. P. 109–150.

49. Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London and Newbury Park, CA: Sage, 1992; Berger J. *After the Victory of the West: Theories of Modernization Revisited* // Annual meeting of the American Sociological Association. Pittsburgh, August 1992; Zapf W. (ed.). *Die Modernisierung moderner Gesellschaften. Verhandlungen des 25. Deutschen Soziologentages in Frankfurt am Main*. Frankfurt: Campus, 1990; Crook S., Patulski J., Waters M. *Postmodernization. Change in Advanced Society*. Newbury Park, CA: Sage, 1992; Цалф В. Теория модернизации и различные путей общественного развития // *Социс*, 1998. № 8. С. 14–26.

50. Tiryakian E. *The Changing Centers of Modernity* // Cohen E., Lissak M., Almager U. (eds.) *Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt*. Boulder, CO: Westview Press, 1985. P. 131–147.

51. Tiryakian E. *Modernization in a Millenarian Decade: Lessons for and from Eastern Europe* // Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization...* P. 254–256.

52. Tiryakian E. *Modernization in a Millenarian Decade: Lessons for and from Eastern Europe* // Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization...* P. 249–264; Müller K. *From Post-Communism to Post-Modernity? Economy and Society in Eastern European Transformations* // *Ibid.* P. 267–293.

MODERNIZATION SCHOOL: EVOLUTION OF THEORETICAL FOUNDATIONS

The article deals with political and theoretical preconditions having influenced the origins of modernization perspective. Special focus has been made on the influence of evolutionism and functionalism upon elaborating modernization paradigm. The evolution of theoretical & methodological views inherent to supporters of the modernization school has been analysed as influenced by both the academic and ideological critics. Among the most characteristic features of evolving the modernization school, the following is distinguished by the authors: 1) reconsideration of both the role and the rank of traditional socio-cultural and institutional context of modernization towards attaching the greater importance to it as compared with the earlier conceptual schemes; 2) transition from rather abstract theory to examining the concrete situations; 3) heightened attention paid to conflicts in the course of modernization as well as to influences of external, or exogenous, factors upon the entire process; 4) incorporation of the factor of historical fortuity in the theoretical model; 5) the accent on the cyclic nature of the modernization process. Among the authors' findings, principal directions of applying the modernization theory are displayed as concerns studying the process of transition from traditional society towards the modern one.

V.V.Alexeyev, I.V.Poberezhnikov